

ВТОРОЙ ГОЛОС

СЕРЖ КНЯЗЕВ

ИНОГДА
ГЛАВНАЯ
ОПАСНОСТЬ
В ТЕБЕ

Jeep

А748 ХХ 93
RUS

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Серж Князев

Второй голос

<https://litres.ru/74569892>

SelfPub; 2026

Аннотация

Андрей привык доверять тому, что можно проверить: цифрам, договорам и технике. Но однажды за секунду до аварии в его голове появляется второй. Он говорит всего одно слово: «Тормози». Андрей слушается — и остаётся жив.

Потом Голос начинает отвечать на вопросы. Один раз в сутки. Точно. Иногда пугающе точно.

Сначала Андрей пытается понять правила. Потом — использовать их: вернуть старый долг, спасти сделку, разобраться в чужом ДТП. Но каждый правильный ответ открывает новый вопрос, а случайная авария постепенно превращается в историю о деньгах, страхе и людях, которые слишком уверены, что способны просчитать последствия.

И чем больше Голос помогает, тем важнее становится другое: где заканчивается подсказка и начинается чужая воля — и что останется от собственной жизни, если лучший ответ всегда можно получить заранее.

Особенно когда Голос однажды отвечает на вопрос, которого Андрей не задавал.

Содержание

Глава 1. Тормози	4
Глава 2. Чужая запись	27
Глава 3. Не лезь	49
Глава 4. Уже поздно	79
Глава 5. Чужие люди	116
Глава 6. Сорок восемь миллионов	145
Глава 7. Не включай	169
Глава 8. Не там горит	193
Конец ознакомительного фрагмента.	217

Второй голос

Глава 1. Тормози

— Валер, не лечи меня, — сказал Андрей, придерживая телефон плечом и перестраиваясь в левый ряд. — Ты мне уже третий раз за неделю объясняешь, почему Сергей не может вернуть мои деньги. Причины меняются, денег по-прежнему нет. Давай сразу к сути.

Валера Костин на том конце обиженно хмыкнул.

— Я тебя не лечу. Я пытаюсь объяснить реальную ситуацию. У человека кассовый разрыв, крупный заказчик задержал оплату...

— Вот. Уже новый заказчик появился. В прошлый раз банк виноват был.

— Андрей, ну что ты начинаешь с утра?

— Я ничего не начинаю. Это Сергей два года никак не закончит.

Краснодар просыпался в своём обычном темпе — шумно, жарко и как будто сразу с середины рабочего дня. На соседней полосе маршрутка пыталась вклинить перед легковушкой, справа курьер на мопеде нырнул между машинами и тут же исчез впереди. Было начало девятого, но солнце уже било в лобовое стекло так, что Андрей щурился.

Прямо перед глазами белел небольшой скол. Недели три

он собирался заехать в стекольный сервис и каждый раз вспоминал об этом либо за рулём, либо поздно вечером, когда ехать уже никуда не хотелось.

«Гранд Чероки» тоже давно просился если не на покой, то хотя бы на замену. Машине пошёл одиннадцатый год. Когда-то Андрей купил её почти без раздумий и потом несколько месяцев радовался, как ребёнок: большая, удобная, дизель тянет снизу, на трассе не устаёшь. Машина ему и сейчас нравилась, но само обстоятельство, что он не мог просто взять и поменять её на новую, раздражало куда сильнее старого пластика, скола на стекле или периодически вспыхивающего индикатора.

Когда-то мог. Теперь приходилось считать. На зарплату столько. На налоги столько. Платёж поставщику в четверг. Один клиент задержал полтора миллиона, другой вообще перестал брать трубку. И ещё Сергей Громов с его тремя миллионами семьями тысячами, которые уже начинали казаться не долгом, а частью семейной истории.

— Андрей, ты меня вообще слышишь? — спросил Валера.

— К сожалению, да.

— Сергей готов встретиться сегодня.

— Сергей последние полгода всегда готов встретиться. Особенно когда платить не надо.

— Сейчас другая ситуация.

— Деньги появились?

Пауза была слышна даже сквозь дорожный шум.

— Частично.

— Сколько?

— Давай не по телефону.

Андрей усмехнулся. Валера обожал эту манеру: как только сказать становилось нечего, в голосе появлялась значительность, будто речь шла не о долге, который два года не могут вернуть, а о продаже нефтяного месторождения. Впереди загорелся зелёный. Машины тронулись.

— Валер, если он опять предлагает миллион вместо трёх семисот...

— **Тормози.**

Андрей замолчал. Голос прозвучал совершенно отчётливо. Не из динамика телефона. Не с улицы. Не с заднего сиденья. Андрей вообще не мог определить, откуда.

— Что? — переспросил Валера.

Андрей машинально оглянулся. Сзади никого.

— Ты чего? — снова спросил Валера.

— **Андрей. Тормози сейчас.**

На этот раз он не пытался понять. Правая нога ударила по педали прежде, чем голова успела принять решение. «Джип» резко клюнул носом, ремень впился в грудь. Сзади взвизгнули тормоза, кто-то зло и протяжно посигналил. И почти одновременно слева на перекрёсток вылетел самосвал.

Он шёл быстро, слишком быстро для машины такого размера, и красный свет для него словно не существовал. Белая

«Камри», оказавшаяся на полкорпуса впереди Андрея, попыталась уйти вправо. Водитель успел дёрнуть руль, но места уже не было. Удар получился тяжёлым, глухим.

Не киношным. Металл смялся почти без красивого разлёта деталей. «Камри» развернуло боком, несколько метров протащило по асфальту и швырнуло к ограждению. Самосвал остановился уже за перекрёстком, встав поперёк двух полос. Андрей сидел, обеими руками вцепившись в руль.

В телефоне орал Валера:

— Андрей! Что там? Андрей?!

Он не ответил. Нажал отбой, включил аварийку и только после этого понял, что руки мелко дрожат. Если бы он проехал ещё метров пять... Нет. Лучше об этом не думать. Он вышел. Люди уже бежали к разбитой машине. Мужчина в спортивной футболке кричал, чтобы вызывали скорую, хотя несколько человек уже держали телефоны возле уха. Возле открытой водительской двери «Камри» на асфальте лежал человек.

Андрей сначала увидел ногу. Она была вывернута под таким углом, что внутри неприятно сжалось. Одна чёрная туфля слетела и валялась у бордюра метрах в трёх. И почему-то именно эта туфля заставила его подумать: Всё. Разуло. Когда-то давно знакомый гаишник рассказывал, что при тяжёлых авариях обувь часто слетает с погибших. Никакого медицинского смысла Андрей в этом не знал и никогда не проверял, правда это или обычная милицейская байка, но фраза

запомнилась.

Он подошёл ближе.

— Не трогайте его! — крикнул кто-то.

— Я и не трогаю.

Человек на земле вдруг шевельнул пальцами. Андрей выдохнул. Живой. По крайней мере сейчас. Где-то совсем рядом уже завывала сирена. Он отступил на несколько шагов, чтобы не мешать, и тогда заметил серый седан, остановившийся у края дороги. Из машины вышел мужчина лет сорока пяти, может, чуть старше. Тёмная футболка, джинсы, короткая стрижка. Ничем не примечательный.

Только пошёл он не к пострадавшему. Быстро обогнул «Камри» и открыл пассажирскую дверь. Сначала Андрей решил, что это знакомый водителя. Может, увидел машину и остановился. Но мужчина даже не посмотрел в сторону лежащего человека. Наклонился в салон, несколько секунд копался там, затем выпрямился.

В руке у него было что-то тёмное и плоское. Папка? Чехол от планшета? Небольшой портфель?

— Эй! — окликнул Андрей.

Мужчина обернулся. Их взгляды встретились всего на пару секунд. Лицо обычное. Чуть тяжёлое, с широкими скулами. Андрей был уверен, что никогда раньше его не видел. Незнакомец ничего не сказал, сел в серую машину и уехал. Андрей посмотрел вслед, но номер уже закрыла подъехавшая скорая.

Да и зачем ему номер? Может, действительно родственник. Может, в машине были документы, которые нельзя оставлять. Сейчас здесь полиция разберётся. Он вернулся к «Джипу», сел и несколько секунд просто дышал, положив ладони на колени. Телефон снова зазвонил. Валера.

Андрей посмотрел на экран и сбросил. Потом неожиданно для себя спросил вслух:

— Кто это сейчас был?

Никто не ответил.

— Ты меня слышишь?

Тишина. Он потёр лицо обеими руками.

— Замечательно. Теперь ещё и голоса.

За стеклом медики уже работали возле водителя «Камри». Один что-то держал у головы, второй разрезал одежду на ноге. Андрей завёл машину и только через минуту понял, что так и сидит на месте. Если бы не это короткое предупреждение... Он был бы сейчас не здесь. Этого оказалось достаточно, чтобы стало по-настоящему страшно.

На секунду мелькнуло что-то совсем старое: жаркий воздух, ослепительный блеск воды и чей-то крик с берега. Андрей даже не успел понять, почему вспомнил об этом именно сейчас. Картинка исчезла так же быстро, как появилась. Валера ждал в небольшом кафе на Северной и встретил его привычной вежливой улыбкой, которая в последнее время раздражала Андрея сама по себе.

Белая рубашка, дорогие часы, аккуратно подстриженная

борода. Вид у человека был такой, будто в жизни у него вообще ничего плохого не происходило.

— Ну ты напугал. Я слышал удар, потом связь оборвалась. Всё нормально?

Андрей сел напротив и взял бутылку воды со стола.

— Нормально. Меня не задело.

— А кого?

— «Камри» передо мной. Мужика увезли.

— Живой?

— Когда уезжал — да.

Валера пару секунд смотрел на него внимательнее обычного.

— Может, перенесём разговор? Ты какой-то...

Он покрутил пальцами возле лица, подбирая слово.

— Какой?

— Белый.

— Валер, давай без психотерапии. Ты меня сюда позвал из-за Громова — говори про Громова.

— Я просто вижу, что тебя тряхнуло.

— Меня чуть самосвалом не размазало. Конечно, тряхнуло. Через час отпустит.

Официантка принесла кофе. Валера дождался, пока она уйдёт, и придвинул к себе чашку.

— Сергей готов сегодня отдать миллион двести.

Андрей даже не удивился.

— И?

— Что «и»?

— Остальные два с половиной куда делись?

— Графиком. На год.

— Нет.

— Ты даже не спросил, какой график.

— А какая разница? Он два года мне рассказывает, почему не может платить, а теперь хочет ещё год официально ничего не платить?

— Не ничего. Ежемесячно.

— Валер...

Андрей откинулся на спинку стула и устало посмотрел на него.

— Не лечи меня. Правда. Я сегодня не в том настроении. Он должен три семьсот. Через двенадцать дней у нас заседание по существу. Документы у меня нормальные, долг он фактически признаёт. Почему я должен подарить ему два с половиной миллиона за красивый график?

— Никто не говорит подарить.

— Год ждать — это и есть подарок.

Валера машинально пригладил бороду.

— Он может подняться до двух миллионов.

— Сегодня?

— Думаю, да.

— «Думаю» — это не деньги.

— Андрей, два миллиона живыми сейчас — нормальное предложение.

— Для Сергея — великолепно.

— Ты жадный.

Андрей невольно усмехнулся.

— Я кредитор. Вы с должниками почему-то всё время путаете эти понятия.

— Вы раньше нормально работали.

— Пока он нормально платил.

Валера выдержал паузу, а потом снова улыбнулся. Вот эту улыбку Андрей сегодня терпеть не хотел.

— И ещё, Валер... Не улыбайся так.

— Как?

— Будто ты мне квартиру в Сочи даришь. Меня от этой улыбки последнее время уже дёргает.

Валера рассмеялся и впервые за разговор стал похож на нормального человека.

— Ты точно после аварии нервный.

— Возможно.

Андрей встал и взял ключи.

— Если у Сергея действительно есть деньги, пусть переводит. Хоть часть. После этого поговорим.

— Сколько надо, чтобы ты сел обсуждать мировое?

— Я сейчас не торгуюсь сам с собой. Пусть сначала делает хоть что-нибудь.

На улице Андрей вдохнул горячий воздух, дошёл до машины и уже открыл дверь, когда взгляд зацепился за видеорегистратор. Он остановился.

— Твою мать.

Конечно. Регистратор писал всё. Он сел, включил экран и пролистал меню. Нужный файл оказался на месте. Смотреть его прямо там Андрей не стал. После аварии прошло меньше двух часов, и второй раз видеть, насколько близко он был к смерти, совершенно не хотелось. Но мысль о мужчине у пассажирской двери уже никуда не ушла.

В офисе Лена подняла голову от монитора и сразу нахмурилась.

— Андрей Викторович, вы чего такой?

— Какой?

— Бледный. И глаза красные.

— Приятно, когда с утра женщина говорит комплименты.

— Я серьёзно. Вам плохо?

Лена была из тех людей, которые беспокоились искренне и при этом могли за пять минут довести поставщика до капитуляции одним только спокойным перечислением его собственных ошибок.

— Авария была. Не со мной. Почти.

Она отодвинула клавиатуру.

— В смысле «почти»?

— Потом расскажу. Сделай мне кофе, пожалуйста. И если Валера или Громов будут звонить — соединяй.

— Может, вам давление померить?

— Лена.

— Всё, молчу.

У себя в кабинете Андрей снял регистратор, достал карту и вставил её в компьютер. Файл открылся сразу. Первые секунды ничего нового не показали. Поток машин, светофор, капот «Джипа». Из динамиков раздавался его собственный голос — он как раз говорил Валере про миллион.

Потом короткое:

— Блядь!

Торможение. В кадр влетает самосвал. Удар. Андрей остановил видео и некоторое время смотрел на неподвижную картинку. Даже на записи расстояние выглядело слишком маленьким. Он отмотал назад и запустил снова — теперь уже следя не за самосвалом, а за серой машиной.

Вот она. Ещё до столкновения держалась справа, почти у края кадра. После удара приблизилась к «Камри» и остановилась. Мужчина вышел, быстро подошёл к пассажирской двери, наклонился внутрь. Через несколько секунд в руке у него действительно появился плоский чёрный предмет.

Лицо камера поймала неплохо. Андрей поставил запись на паузу и приблизил изображение. Незнакомец. Он сохранил этот кусок отдельно, потом машинально скинул копию на телефон. Если документ важный, копия должна быть не одна. Двадцать лет в бизнесе приучили к этому лучше любых инструкций.

В дверь постучали. Лена вошла с кофе и осторожно поставила чашку на край стола.

— Вам Сергей Громов звонил. Сказал, чтобы вы лично

перезвонили.

— Хорошо.

Она уже повернулась к двери, но задержалась.

— Вы всё-таки посидите спокойно хоть десять минут. У вас руки дрожат.

Андрей посмотрел на ладонь. Действительно.

— Сейчас пройдёт.

Когда она ушла, он включил запись ещё раз. И только на третьем просмотре заметил странность. Серый седан начал смещаться к краю дороги почти сразу после удара, ещё до того, как разбитую «Камри» окончательно развернуло и остановило у ограждения. Будто водитель не просто увидел аварию и решил притормозить, а ждал самого момента столкновения.

Андрей снова отмотал запись. Может, просто совпадение. Но мужчина вышел так уверенно и сразу направился к пассажирской двери, словно заранее знал, куда идти. Он ещё раз увеличил изображение, но качество только ухудшилось. Телефон зазвонил. Номер незнакомый.

— Да?

— Андрей Викторович?

Голос мужской, спокойный, без южного акцента.

— Слушаю.

— Вы сегодня утром находились на месте ДТП на пересечении...

Мужчина назвал улицы. Андрей выпрямился.

— Кто спрашивает?

— Меня зовут Максим.

— Фамилия?

Небольшая пауза.

— Это не имеет значения.

— Тогда разговор закончен.

— Не торопитесь. У вас в машине установлен видеореги-
стратор?

Вот теперь стало неприятно. Андрей посмотрел на откры-
тое окно с записью на мониторе.

— А вас это почему интересует?

— Нужна запись аварии.

— Вы из полиции?

— Нет.

— Страховая?

— Нет.

— Тогда ещё раз: кто вы?

Мужчина вздохнул, словно Андрей усложнял совершенно
простую беседу.

— Андрей Викторович, давайте без этого. Сохранилась
запись или нет?

Ответ сорвался раньше, чем Андрей успел его обдумать:

— Нет. Регистратор утром завис.

На том конце возникла пауза.

— Уверены?

— А я должен у вас спросить?

— Обычно такие устройства пишут циклически. Если всё-таки запись найдётся, лучше её удалить.

Андрей медленно поставил чашку.

— Почему?

— Там нет ничего, что вам нужно видеть.

— А вам?

На этот раз пауза длилась дольше.

— Мне тоже.

— Тогда зачем звоните?

Мужчина будто не услышал вопроса.

— Просто примите совет.

— Спасибо.

Связь оборвалась. Андрей ещё несколько секунд держал телефон у уха. Потом посмотрел на экран компьютера, где застыло лицо человека у разбитой «Камри». Номер остался в журнале. Он попробовал перезвонить — абонент был недоступен. Поиск в интернете ничего не дал.

Первая мысль оказалась совершенно практической. Андрей достал флешку и скопировал туда файл. Громов позвонил сам около трёх.

— Андрей, привет. Валера сказал, ты опять в позу встал.

— Серёж, давай хоть сегодня без формулировок. Я никому ничего не должен. В позе уже два года стоишь ты.

— Я тебе предлагаю деньги.

— Ты мне предлагаешь часть долга.

— Два миллиона сейчас — это мало?

— На вопрос «сколько ты мне должен» — мало.

Громов шумно выдохнул.

— У меня сейчас нет трёх семисот.

— Я знаю. Ты мне это давно рассказываешь.

— Ну и чего ты хочешь?

— Верни сколько можешь, а потом будем обсуждать.

— Ладно. Сегодня сто закину, может, ещё что-то соберу.

Андрей помолчал.

— Сто тысяч?

— Пока да.

— Серёж, ты охуел?

Громов засмеялся, хотя смешного было мало.

— Не начинай.

— Ты должен три миллиона семьсот тысяч и торжественно объявляешь, что вернёшь сто?

— Это хотя бы движение.

— Вы с Валерой точно одну методичку читаете.

— Не считай мои деньги.

— Я твои не считаю. Я два года пытаюсь вернуть свои.

После этого разговора Андрей неожиданно почувствовал себя спокойнее. Вот это была понятная проблема. Громов должен деньги, Андрей хочет их получить. Сумма известна, позиции ясны. Дальше — суд, переговоры, платежи. Никаких голосов в голове. Никаких неизвестных мужчин, которые советуют стирать видеозаписи.

Нормальная взрослая жизнь. К Ирине он приехал около

восьми. Она открыла босиком, в тонких домашних брюках и светлой майке. Волосы были собраны в небрежный хвост, несколько прядей выбились и падали на щёку.

— Привет.

— Привет.

Она поцеловала его и сразу прищурилась.

— Ты сегодня какой-то помятый.

— Господи, да что вы все сговорились?

— Значит, не мне одной кажется.

Ирина ушла на кухню.

— Я помидоры хорошие купила. Не твои пластиковые.

— Мои тоже были хорошие.

— Твои можно было в стену бросать. Они бы отскочили.

Андрей подошёл сзади, обнял её за талию и положил ладони на грудь. Она на секунду перестала разбирать пакет.

— Очень помогает.

— Я стараюсь.

— Особенно помидорам.

Ирина накрыла его руки своими, слегка прижалась спиной и продолжила:

— Там ещё сыр достань, раз всё равно стоишь.

Ему всегда нравилась её грудь — небольшая, естественная, без той демонстративной геометрии, которая иногда выглядывала из слишком глубокого декольте и неизменно напоминала Андрею его собственную идиотскую формулировку: «вторая жопа под подбородком». Однажды он сказал это

вслух в ресторане. Ирина смеялась минут пять, а потом превратила выражение в семейную шутку: заметив особенно выдающееся декольте, тихо толкала его локтем и говорила:

— Смотри. Вторая.

Сейчас, однако, шутить она перестала довольно быстро.

— Что случилось?

Андрей отпустил её.

— Почему ты решила, что случилось?

— Потому что я тебя почти год знаю. Когда ты просто устал, ты другой.

Он сел за стол.

— Я сегодня чуть под самосвал не попал.

Ирина замерла с ножом в руке.

— Что?

Пришлось рассказывать. Сначала про перекрёсток, «Камри», мужчину на асфальте и туфлю у бордюра. Ирина несколько раз перебивала:

— Он жив?

— Жив был, когда увезли.

— Ты скорую вызывал?

— Там человек десять вызвали раньше меня.

— А ты сам не ударился?

— Нет.

— Давление мерил после этого?

— Ира...

— Я спрашиваю.

— Не мерил.

И только потом Андрей рассказал про Голос. Сначала она решила, что он шутит.

— В смысле тебе кто-то сказал «тормози»?

— В прямом.

— Через телефон?

— Нет.

— С улицы?

— Нет.

Ирина отложила нож.

— Андрей, где ты это услышал?

Он постучал пальцем по виску. Она долго смотрела на него.

— Голос мужской?

— Не знаю.

— Женский?

— Не понял.

— Как можно не понять?

— Ира, через секунду в меня должен был въехать самосвал. Я не успел провести акустическую экспертизу.

Она машинально заправила выбившуюся прядь за ухо.

— Голова после этого не болела? Мушки перед глазами? Тошнота?

— Нет.

— Таблетки какие-нибудь новые пьёшь?

— Нет.

— Спал нормально?

— До сегодняшнего дня прекрасно.

— И это было два раза?

— Одна фраза дважды. Сначала «тормози», потом «Андрей, тормози сейчас».

— Значит, два раза.

— Хорошо. Пусть два.

Он рассказал про серый седан, человека, который забрал что-то из «Камри», регистратор и звонок. После этого Ирина уже не задавала медицинских вопросов.

— Он прямо сказал удалить запись?

— Да.

— А ты сказал, что её нет?

— Да.

— Зачем соврал?

Андрей пожал плечами.

— Не понравилось мне, что совершенно незнакомый человек знает моё имя, телефон и то, что у меня есть регистратор. Причём всё это через несколько часов после аварии.

— Покажи запись.

Они посмотрели её на телефоне несколько раз. Ирина первой указала на момент, когда серый седан начал смещаться к краю дороги.

— Слишком быстро.

— Вот и мне показалось.

— Удар ещё толком не закончился, а он уже идёт к

«Камри». Как будто ждал.

— Может, просто оказался рядом.

— Может.

Она приблизила кадр с мужчиной.

— А этот кто?

— Понятия не имею.

— Ты его раньше видел?

— Нет.

— Точно?

— Ира, я бы запомнил человека, который через два часа попросит меня уничтожить запись.

Она положила телефон на стол.

— Завтра отнеси это в полицию.

— Наверное.

— Не «наверное».

Андрей посмотрел на неё.

— Я не хочу становиться участником какой-то чужой истории.

— Ты уже стал. Тебе позвонили домой...

— Не домой. На мобильный.

— Не придирайся. Тебя нашли, назвали по имени и попросили уничтожить запись. Это уже не совсем чужая история.

С этим трудно было спорить. Ирина встала, подошла и положила ладони ему на плечи.

— И к врачу.

— Ну вот опять.

— Да, опять. Потому что если у тебя в голове кто-то заговорил, я бы предпочла сначала исключить всё обычное — давление, сосуды, ещё что-нибудь. А уже потом знакомиться с твоим личным пророком.

Андрей усмехнулся.

— В понедельник запишусь.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Она внимательно посмотрела на него и тихо спросила:

— А страшно было?

Андрей по привычке хотел сказать «нет». Но перед глазами снова мелькнула чёрная туфля у бордюра.

— Потом стало, — ответил он.

Домой он вернулся поздно. Флешку сначала положил в ящик с документами, потом достал и убрал в коробку с ча-сами. Через минуту решил, что это уже напоминает плохой шпионский фильм, и загрузил файл в облако.

После этого стало легче. В душе Андрей несколько раз ловил себя на желании снова обратиться к Голосу. Если он вообще существовал. Если это не короткий сбой мозга на фоне стресса. Он лёг, выключил свет, минут двадцать ворочался, потом снова включил лампу.

— Хорошо, — сказал Андрей в пустую комнату. — Если ты у меня в голове, давай разбираться.

Ничего. Он помолчал и уже без иронии, намеренно обра-

щаяся к тому самому Голосу, спросил:

— Я действительно начинаю сходить с ума?

— **Нет.**

Андрей застыл. По предплечьям прошёл холодок. Он сел.

— Кто ты?

Тишина.

— Ты меня слышишь?

Ничего.

— Почему не отвечаешь?

И тогда Голос произнёс:

— **На сегодня ты уже задал вопрос.**

Андрей несколько секунд смотрел перед собой. Потом рассмеялся — коротко, нервно.

— Вот как.

На телефоне было 23:47. Он попробовал спросить ещё раз. Потом ещё. Ответа не получил. Один вопрос. Если это вообще правило. До полуночи оставалось тринадцать минут. Андрей лежал, глядя на сменяющиеся цифры часов, и думал, что спросить после двенадцати. Нужно было что-то простое. Проверяемое. Не философию и не «кто ты такой».

В 00:01 он сформулировал:

— Поступят ли сегодня деньги от «Регион-Сервис»?

— **Да.**

Мгновенно. Андрей хотел спросить сколько, но остановился. Если правило настоящее, второй попытки не будет. Телефон на тумбочке вдруг засветился. Сообщение с незна-

кого-то номера. «Андрей Викторович, вы зря сказали, что записи нет». Он прочитал один раз.

Потом второй. И только после этого понял, что именно беспокоит его сильнее всего. Тот человек не просто предполагал, что регистратор работал. Он знал.

Глава 2. Чужая запись

Ночью Андрей проспал часа два, не больше. После сообщения он ещё долго ходил по квартире, один раз проверил замок, потом поймал себя на том, что прислушивается к каждому хлопку двери во дворе. Это уже начинало раздражать. В конце концов он снова включил ноутбук, убедился, что видеозапись действительно загрузилась в облако, и сказал себе вслух:

— Всё. Теперь можете хоть регистратор съесть.

Утром его разбудила вибрация телефона. Банковское приложение. Андрей мгновенно вспомнил ночной вопрос Голосу и открыл уведомление. Реклама вклада. Он выругался, отложил телефон и почти сразу взял его обратно. На расчётном счёте изменений не было. Это почему-то задело сильнее, чем должно было. Ночью, сразу после полуночи, он задал совершенно конкретный вопрос: поступят ли сегодня деньги от «Регион-Сервис». Голос ответил «да». Сейчас было чуть больше семи утра, впереди целый день, и никаких оснований ждать перевод именно к завтраку не существовало.

Но Андрей всё равно ждал. В зеркале ванной отразился человек, которому пятьдесят два и который почти не спал: щетина, мешки под глазами сильнее обычного, помятое лицо. Андрей умылся холодной водой.

— Ну и где ты теперь?

Ответа не последовало. Он вытер лицо и вдруг сообразил, что только что задал вопрос. Ничего.

— Значит, не каждый вопрос считаешь?

Снова тишина. Это было уже интересно. По крайней мере, Голос не реагировал на любую вопросительную фразу. Вчера Андрей специально обращался к нему — и получал ответ. Значит, имело значение намерение. Не сами слова, а то, что за ними стояло. Он задержался перед зеркалом.

Получалось, можно было разговаривать, задавать риторические вопросы, ругаться с самим собой и не бояться случайно потратить единственный ответ. Если, конечно, правило действительно было именно таким. Слово «правило» применительно к голосу в собственной голове прозвучало настолько нелепо, что Андрей усмехнулся.

Телефон зазвонил. Ирина.

— Привет.

— Ты вообще спал?

— Отлично спал.

— Врёшь.

— Откуда знаешь?

— У тебя голос такой, будто ты всю ночь разгружал вагоны.

Андрей поставил кофе.

— Мне ночью ещё написали.

Ирина сразу проснулась окончательно.

— Что именно?

Он прочитал сообщение.

— Почему мне не позвонил?

— Был первый час ночи.

— И что?

— Ты бы приехала с автоматом?

— Нет. Но хотя бы знала бы.

— Теперь знаешь.

Она ненадолго замолчала.

— Андрей, в полицию. Сегодня. Не после работы, не когда будет время.

— Съезжу.

— Утром.

— Ира, семь часов.

— Полиция в воскресенье не закрывается.

— Спасибо за информацию.

— Не ерничай.

Он улыбнулся.

— Хорошо, мама.

— И завтра запишись к врачу.

— Помню.

— Позвоню в обед.

— Ира, всё нормально.

Она вздохнула.

— Когда мужчина говорит «всё нормально», я обычно начинаю искать, где именно всё уже плохо.

После разговора Андрей налил кофе и снова открыл бан-

ковское приложение. Денег не было. На экране висели привычные цифры, которые ещё год назад он даже не стал бы рассматривать по отдельности. Сейчас каждая имела значение. В понедельник нужно было закрыть платёж поставщику, в середине недели — выплаты людям, дальше аренда, налоги, расходники. Один заказчик задерживал полтора миллиона, второй обещал оплату уже третью неделю.

Три миллиона семьсот тысяч Громова на этом фоне перестали быть просто старым долгом. Эти деньги могли вернуть фирме нормальный запас воздуха. Не сделать Андрея богаче — просто позволить снова не выбирать, кому заплатить сегодня, а кого попросить подождать ещё два дня.

Именно это бесило сильнее всего. Когда-то он мог держать на счёте запас на несколько месяцев и почти не смотреть на календарь платежей. Потом рынок просел, крупные проекты закончились один за другим, часть людей пришлось отпустить, дорогой офис сменился нынешним, а слова «кассовый разрыв», которыми Валера оправдывал Громова, начали слишком хорошо описывать и его собственную жизнь.

Только Андрей почему-то не считал это причиной не возвращать чужие деньги. Во дворе шло обычное воскресное утро. Мужчина в шортах вытряхивал коврики из старой «Тойоты». Женщина тянула на поводке маленькую собаку, которая отчаянно сопротивлялась прогулке. Где-то работала дрель.

«Гранд Чероки» выглядел совершенно нормально. Ан-

дрей открыл дверь, сел и почти сразу почувствовал: что-то не так. Бардачок. Приоткрыт. Он редко им пользовался и точно помнил, что вчера не открывал. На первый взгляд салон был цел. Документы лежали на месте, очки тоже. Но в подлокотнике кто-то явно копался: монеты рассыпаны, зарядка лежит сверху, старые чеки вытащены наружу.

Ничего ценного не исчезло. Именно это и настораживало. Если бы украли деньги, очки или хотя бы зарядку, всё было бы неприятно, но понятно. Обычная кража. Здесь искали что-то определённое. И Андрей почти не сомневался — карту памяти регистратора или сам регистратор.

Он медленно вышел, осмотрел дверь, стекло, замок. Следов взлома не заметил. Телефон уже был в руке. Некоторое время Андрей колебался, потом набрал 112.

Через сорок минут успел пожалеть только об одном — что не взял кофе. Сначала был звонок, потом ожидание, потом приехали двое сотрудников. Один молодой, второй — лет пятидесяти, чуть моложе Андрея. Старший представился:

— Капитан Сафронов.

Он заглянул в машину.

— Что пропало?

— Ничего.

Сафронов выпрямился.

— Тогда почему решили, что проникали?

— Бардачок открыт, в подлокотнике всё перевёрнуто. Я это точно не делал.

— Машина закрыта была?

— Да.

— Сигнализация срабатывала?

— Не слышал.

— Может, сами вечером искали что-нибудь и забыли?

Андрей посмотрел на него.

— Мне пятьдесят два, не восемьдесят два. Пока помню, где ковырялся.

Молодой сотрудник едва заметно улыбнулся. Сафронов спокойно продолжил:

— Ценное оставляли?

— Нет. Но дело, возможно, вообще не в вещах.

— А в чём?

Андрей достал телефон и показал сообщение. Потом рассказал про вчерашнюю аварию и звонок. Чем дальше он говорил, тем внимательнее становился Сафронов.

— Запись сохранилась?

— Да.

— Покажите.

Они посмотрели видео прямо в машине. На моменте, когда мужчина подходил к «Камри», Сафронов попросил остановить.

— Номер серой машины виден?

— Я не разобрал.

Молодой наклонился к экрану.

— Там либо грязный, либо что-то на номере.

— Мне тоже так показалось, — сказал Андрей.

Сафронов просмотрел фрагмент ещё раз.

— Копию дадите?

— Конечно.

— И заявление по машине напишите.

— Даже если ничего не украли?

— Вы нас вызвали, Андрей Викторович.

— Логично.

Сафронов слегка усмехнулся.

— Бывает и у нас.

Когда с бумагами закончили, Андрей спросил:

— А с водителем «Камри» что-нибудь можно узнать?

— Я по ДТП не работаю. Уточню через дежурную часть.

— Он вчера живой был.

— Значит, будем надеяться.

Андрей уже собирался уезжать, когда Сафронов окликнул его:

— И ещё. Если вам снова будут звонить люди по этой записи, сами встреч не назначайте. Не надо искать их, проверять номера, играть в сыщика. Сохраните всё и сообщите.

— Я, по-вашему, похож на человека, которому нечем заняться?

Сафронов окинул взглядом машину, Андрея и неожиданно ответил:

— Все так говорят, пока им не становится интересно.

В офис Андрей приехал около десяти. В воскресенье там

было пусто и непривычно тихо. Он сварил кофе, включил кондиционер и снова открыл запись.

Теперь смотрел медленно. Не на момент удара — его он уже видел достаточно. Серый седан. «Камри». Момент, когда мужчина вышел из машины. До столкновения седан держался справа, в стороне от траектории «Камри», и на неё никак не влиял. Но после удара оказался рядом почти мгновенно. Это было странно, хотя само по себе ничего не доказывало.

А вот самосвал заинтересовал его сильнее. Перед въездом на перекрёсток тяжёлая машина не сбросила скорость и не изменила траекторию. Андрей пересмотрел несколько раз. Никакой заметной попытки уйти от столкновения. По крайней мере на записи. Возможно, отказали тормоза.

Возможно, водитель заснул. Возможно, всё что угодно. Андрей закрыл видео. Он слишком хорошо знал одну человеческую болезнь: стоит чуть-чуть разобраться в незнакомой теме — и очень быстро начинаешь чувствовать себя специалистом. Сам он в эту ловушку лезть не хотел.

Телефон зазвонил. Валера.

— Доброе утро.

— Смотря для кого.

— Сергей сто тысяч отправил.

Андрей машинально посмотрел на часы.

— Когда?

— Минут десять назад.

Он открыл банк. Пока ничего.

— Не пришли.

— Дойдут.

— Валер, ты серьёзно позвонил сообщить мне о ста тысячах?

— Я позвонил сказать, что процесс пошёл.

Андрей рассмеялся.

— Вы точно одну методичку читаете. Сергей вчера теми же словами говорил.

— Сто тысяч лучше, чем ноль.

— Он должен ведро денег, а возвращает ручку от ведра.

— Человек начал платить. Не придирайся.

— Когда придут — будем считать, что начал.

Через несколько минут после разговора телефон действительно показал зачисление. 100 000 рублей. ООО «Регион-Сервис». Андрей сидел неподвижно. Сто тысяч. Ещё несколько лет назад эта сумма была бы просто одним из движений по счёту. Сейчас Андрей первым делом открыл платёжный календарь.

Ста тысяч хватало, чтобы закрыть одну небольшую дыру. Не зарплату. Не крупного поставщика. Не тот платёж, который уже дважды переносили. Просто одну позицию из списка, после которой оставались все остальные. И всё же это были реальные деньги. Он перевёл взгляд с банковского приложения на блокнот.

Ответ сбылся. Только Андрей вдруг понял, что вчера почему-то ожидал от Голоса большего. Не просто ответа. По-

мощи. Может быть, потому, что в первый раз Голос спас ему жизнь. После такого очень легко решить, будто теперь любое его вмешательство должно менять всё.

А он всего лишь ответил на поставленный вопрос. Андрей открыл чистую страницу блокнота и написал: Вопрос: поступят ли сегодня деньги? Ниже: Ответ: да. И ещё: Пришло 100 000. Он несколько секунд смотрел на запись, потом тихо сказал:

— Ну ты и сволочь.

Не Голосу. Себе. Он спросил ровно то, что спросил. Будут ли деньги? Будут. Ни суммы, ни источника, ни того, насколько эти деньги ему помогут. Голос не обманул. Но и не обязан был додумывать за него то, чего Андрей не сумел спросить. Правильный ответ на плохо поставленный вопрос всё равно оставался правильным ответом.

Вот это уже стоило запомнить. Незнакомый номер появился на экране ближе к полудню.

— Да?

— Андрей Викторович?

Голос был другой. Старше. Спокойнее.

— Слушаю.

— Меня зовут Евгений Руденко. Я хотел бы встретиться с вами по поводу вчерашнего ДТП.

— Адвокат? Полиция?

— Адвокат.

— Чей?

— Семьи человека, находившегося в «Камри».

Андрей выпрямился.

— Он жив?

— Да. Ночью сделали операцию. Состояние тяжёлое, но стабильное.

И только тогда Андрей понял, что всё это время ждал именно этого ответа. Не перевода Громова. Не звонка Сафронова. Этого. Перед глазами на секунду снова возникли асфальт, вывернутая нога и одинокая чёрная туфля у бордюра.

— Хорошо, — сказал Андрей тише.

— У вас сохранилась видеозапись?

— Уже передал полиции.

Руденко ненадолго замолчал.

— Это правильно.

— А вам зачем копия?

— Потому что семья считает, что ДТП могло быть несчастным.

— На каком основании?

— Не по телефону.

— Тогда и встречаться мне с вами пока незачем.

Руденко не стал давить.

— Ваше право. Выберите сами любое людное место. Я приеду один. Если захотите — сообщите время.

— Откуда у вас мой номер?

— От человека, который видел вас на перекрёстке.

— Имя?

— При встрече объясню.

Андрей усмехнулся.

— У вас сегодня прямо соревнование какое-то. Все хотят со мной встретиться, но никто не хочет ничего рассказывать.

— Понимаю, как это выглядит.

— Сомневаюсь.

Он закончил разговор и тут же отправил номер Сафронову. Ответ пришёл через несколько минут: «Пока не встречайтесь. Проверим».

Теперь было две стороны. Одной запись мешала. Другой она была нужна. Андрей каким-то образом оказался между ними, хотя ещё вчера утром его главным раздражителем был Громов и три миллиона семьсот тысяч долга. В офис неожиданно приехал Миша. Невысокий, широкоплечий, в старой футболке и джинсовых шортах. Он занимался сервисом обслуживания и водил фирменную «Газель», когда требовалось что-то везти.

— Ты чего здесь? — спросил Андрей.

— Инструмент забрать. Виктор с Компрессорного звонил, второй насос греется.

— Воскресенье.

— Насос об этом не знает.

Миша открыл шкаф.

— Поеду посмотрю.

— Вместе поедem.

— А у тебя выходной.

— У тебя тоже.

— Мне за него платить будут.

— А мне, значит, нет?

Миша оглядел его с преувеличенной серьёзностью.

— Ты же капиталист. У тебя другие радости.

Андрей усмехнулся. Капиталист. Если бы Миша видел открытый на компьютере платёжный календарь, шутка понравилась бы ему ещё больше. Во дворе синяя «Газель-Бизнес» стояла с открытым капотом. Андрей кивнул на неё:

— А эта чего?

— Воздух где-то подсасывает. Утром не завелась.

— Солярка есть?

— Полбака.

— Фильтр?

— Новый.

Андрей заглянул под капот, где дизельный Cummins ничего понятного ему не сообщил.

— Потом разберёмся.

— Очень квалифицированно.

— Я хозяин. Мне положено говорить «потом разберёмся».

Они перегрузили инструмент в «Гранд Чероки» и поехали. На производстве начальник участка Виктор встретил их раздражённый.

— Второй час температура растёт.

— Остановили? — спросил Андрей.

— Пока работает.

— Вить, а если заклинит?

— Линию останавливать дорого.

Андрей посмотрел на него.

— А насос менять бесплатно?

Тот вздохнул.

— Хорошо. Сейчас снимем питание.

Когда агрегат остановили и вскрыли защиту, проблема нашлась быстро: разбитая втулка муфты, небольшое смещение, начавшееся биение. Миша крутил вал, Андрей подсвечивал телефоном.

— Вот. Чувствуешь?

— Угу. Муфта ушла.

Виктор недовольно спросил:

— Вы же его недавно ремонтировали.

Андрей поднял голову.

— Мы торцевое уплотнение меняли.

— Но насос вы делали.

— Вить, если тебе стоматолог поставил пломбу, а через три месяца геморрой появился, ты тоже к стоматологу претензию понесёшь?

Миша фыркнул и отвернулся. Виктор сначала нахмурился, потом всё-таки рассмеялся.

— Ладно, убедил.

Муфта нашлась у знакомого поставщика.

— Двадцать восемь, — сказал тот по телефону.

— Слав, вчера двадцать четыре была.

— Вчера ты её не покупал.

— Двадцать пять.

— Двадцать семь.

— Двадцать шесть, и я сам заберу.

— Забирай.

Миша одобрительно кивнул.

— Две тысячи за минуту.

— Вот так и становятся миллиардерами.

— Ещё тысячу таких звонков — и можно новую машину покупать.

Андрей посмотрел на свой «Гранд Чероки».

— Не трави душу.

Миша усмехнулся и понёс инструмент к машине. На какое-то время Андрей действительно забыл обо всём остальном. Работа была понятной, материальной: вот насос, вот неисправность, вот новая муфта, вот люди, которые знают, что делать. Никаких загадок. Если вал бьёт — ищешь причину. Если втулка разбита — меняешь. Если поставщик просит двадцать восемь — торгуешься до двадцати шести.

И главное — результат можно проверить руками. Андрей всю жизнь привык именно к таким задачам. Возможно, поэтому Голос раздражал его почти так же сильно, как пугал. С ним нельзя было разобрать корпус, посмотреть внутрь и понять, что именно не работает. На обратном пути с Ураль-

ской он впервые заметил чёрную «Шкоду».

Сначала просто отметил её в зеркале. Через два поворота машина всё ещё ехала сзади. Андрей перестроился. «Шкода» перестроилась тоже. Он нахмурился, но почти сразу одёрнул себя. Краснодар. Воскресенье. Тысячи машин едут одними маршрутами. На следующем перекрёстке Андрей специально свернул туда, куда ему было не нужно.

«Шкода» свернула. Теперь стало не по себе. Он проехал ещё квартал, ушёл налево. Машина снова за ним. Первая реакция оказалась почти мальчишеской: остановиться и посмотреть, кто там такой. Вторая пришла через секунду и была умнее. Сафронов же сказал не геройствовать.

Впереди оказалась крупная заправка. Андрей заехал под камеры, остановился возле входа и вышел из машины. «Шкода» проехала мимо. За рулём был мужчина. Лицо разглядеть не успел. Андрей купил кофе, постоял несколько минут возле окна и позвонил Сафронову.

— За мной сейчас машина шла.

— Уверены?

— Три лишних поворота сделала вслед за мной.

— Номер?

Андрей продиктовал то, что запомнил.

— В двух цифрах не уверен.

— Где вы сейчас?

— На заправке.

— Она уехала?

— Да.

— Домой сразу не езжайте. Побудьте там, где люди.

— Мне на объект надо.

Сафронов вздохнул.

— У вас за вами неизвестная машина ездит, а вы о насосе думаете?

— Насос чужой. Если встанет — платить мне.

— Ладно. Проверю номер. Если увидите ещё раз — постарайтесь сфотографировать, но не гоняйтесь за ней.

— Даже обидно, что вы так плохо обо мне думаете.

— Я уже немного вас узнал.

Андрей убрал телефон и ещё некоторое время стоял у окна заправки. За стеклом люди заправляли машины, покупали воду, ругались из-за очереди к кассе. Обычная воскресная жизнь. Он посмотрел на своё отражение в тёмном стекле. Ещё сутки назад ему казалось, что самая большая проблема — Громов.

Сейчас мысль о трёх миллионах семистах тысячах почему-то даже успокаивала. Там хотя бы было понятно, кто кому должен. К вечеру насос заработал.

Домой Андрей не поехал. Ирина сама приехала к нему с ужином и сразу потребовала полный отчёт. Когда он рассказал про вскрытую машину, полицию, Руденко и «Шкоду», она долго смотрела на него.

— И после всего этого ты поехал ремонтировать насос?

— Не я ремонтировал. Миша.

— Андрей.

— Что?

— Ты нормальный?

Он усмехнулся.

— Голос сказал, что да.

Ирина сначала хотела возмутиться, но неожиданно рас-
смеялась.

— Дурак.

— Зато официально подтверждённый.

За ужином Андрей рассказал про сто тысяч.

— То есть опять сбылось?

— Формально — да.

— Почему «формально»?

Он объяснил. Ирина задумалась.

— Ну так ты действительно спросил только, будут ли
деньги.

— Спасибо. Я уже успел почувствовать себя идиотом.

— Надо было спросить сумму.

— Спасибо второй раз.

— Обращайся.

— Самое неприятное, что он ответил идеально точно.

— А что тут неприятного?

— То, что ошибка моя.

Ирина пожала плечами.

— Это обычно и неприятнее всего.

Андрей посмотрел на неё.

— Ты сегодня решила меня добить?

— Нет. Просто если эта штука действительно отвечает буквально, тебе придётся научиться нормально спрашивать.

Он отложил вилку. Вот это уже было ближе к делу. Не угадывать, что Голос «имел в виду». Не ждать, что он сам поймёт, какая информация Андрею на самом деле нужна. Формулировать. Так же, как техническое задание, договор или вопрос эксперту: если спросил криво, потом не жалуйся на правильный ответ.

По дороге он купил обычную школьную тетрадь и на первой странице написал: Не проебать единственный вопрос. Ирина прочитала через плечо.

— Академический труд?

— Методическое пособие.

Ниже появились первые правила: Может предупредить сам. На намеренный вопрос отвечает один раз. После ответа остальные вопросы игнорирует. Обычный разговор не считается. Отвечает буквально. Пока непонятно: календарный день или двадцать четыре часа. Андрей подумал и ниже приписал отдельно:

Сначала понять, что изменится после ответа. Потом спрашивать. Ирина ткнула пальцем в последнюю строчку.

— Это уже не про Голос.

— А про что?

— Про тебя.

— Тем более полезно.

Она показала на шестой пункт.

— А это как проверять будешь?

— После полуночи спрошу ещё раз. Если ответит — значит, скорее всего, новый календарный день.

— А если не ответит?

— Будем ждать двадцать четыре часа.

— Можно же спросить у него.

Андрей поднял взгляд.

— И потратить единственный вопрос на инструкцию к самому вопросу?

Она засмеялась.

— Экономный.

— Практичный.

Ближе к полуночи они уже лежали в постели. Андрей перебирал варианты. Можно спросить, подстроена ли авария. Можно — кто тот мужчина. Можно — следили ли сегодня за ним. Можно узнать что-то про Громова. Ещё вчера последний вариант наверняка показался бы ему самым полезным. Сейчас — уже нет.

Постепенно пришла более важная мысль. Нужно спрашивать не то, что интересно. Нужно спрашивать то, что влияет на действие. Он несколько раз переписал формулировку в тетради и наконец остановился на одной:

«Попытается ли кто-нибудь в течение следующих суток намеренно причинить мне физический вред в связи с записью ДТП?»

Ирина прочитала.

— Весело живём.

— Зато ответ полезный.

— Если опять не окажется, что ты забыл уточнить какую-нибудь мелочь.

— Поэтому и написал.

Он перечитал вопрос ещё раз. Кто-нибудь. Следующие сутки. Намеренно. Физический вред. Именно в связи с записью ДТП. Некрасиво, зато понятно. 00:01. Андрей сосредоточился и обратился к Голосу. Ответ последовал сразу:

— **Нет.**

Он невольно выдохнул.

— Что? — спросила Ирина.

— Нет.

— Хорошо.

— Очень.

Андрей записал время в тетрадь. 00:01. Ответил. Похоже, календарные сутки. Потом обвёл слово «похоже». Одно-го случая для правила всё равно было мало. Телефон рядом завибрировал. Пришло сообщение. Сначала Андрей увидел фотографию и не сразу понял, что на ней.

Потом узнал собственный «Гранд Чероки» возле заправки. И себя — со стаканом кофе в руке. Снимали с противоположной стороны дороги. Под фотографией была подпись: «Мы ведь нормально попросили». Ирина приподнялась на локте.

— Это сегодня?

— Да.

Андрей увеличил снимок. Получалось, пока он следил в зеркале за чёрной «Шкодой», кто-то другой спокойно фотографировал его со стороны. Он посмотрел на тетрадь. Вопрос был сформулирован тщательно. Ответ тоже оказался точным. Голос сказал правду. Физического вреда в ближайшие сутки ему причинять не собирались.

Но наблюдать за ним, лазить в машину, звонить и присылать фотографии вопрос не запрещал. Андрей медленно положил телефон на тумбочку. Кажется, он начинал понимать главное. Голос не был страховкой от собственной глупости. И не собирался ею становиться.

Теперь стало совершенно ясно: всё остальное им делать никто не мешал.

Глава 3. Не лезь

Утром Ирина первой заговорила о полиции. Она сидела на кухне босиком, ещё сонная, с чашкой кофе в руках и рассматривала на телефоне ночную фотографию.

— Мне вот что непонятно. Если они тебя просто пугают, зачем тратить столько сил? Машину нашли, на заправке пасли, номера меняют.

— Может, для них это не так много сил.

— Тем более плохо.

Андрей намазывал масло на хлеб.

— Голос сказал, что физически ничего не будет.

— На сутки.

— На сутки.

— А фотографировать, писать и лазить по машине — пожалуйста.

— Получается так.

Ирина убрала телефон и посмотрела на него внимательно. —

— Ты злишься.

— А что мне, радоваться?

— Нет. Просто вчера ты больше боялся, а сегодня злишься.

Андрей немного подумал. Она была права. Страх никому не делся, но поверх него уже появилась злость — совер-

шенно бытовая, взрослая. Его втянули в чужую историю без спроса, а теперь указывали, что удалять, куда не ходить и чего не видеть. Это раздражало. Телефон зазвонил.

Сафронов.

— Доброе утро, Андрей Викторович.

— Не уверен.

— Фото видел. Когда прислали?

— Ночью, в ноль четырнадцать.

— Вы отвечали?

— Нет.

— Хорошо. Номера, с которых вам звонили и писали, проверяем. Пока ничего полезного.

— Что значит «ничего полезного»?

— Часть сим-карт оформлена на людей, которые, судя по всему, никакого отношения к вашей истории не имеют.

— Подставные?

— Возможно.

— Украденные?

— Тоже возможно.

Андрей вздохнул.

— Вы хотя бы один раз можете ответить без слова «возможно»?

Сафронов, кажется, улыбнулся.

— Могу. Самостоятельно никого искать вам не надо.

— Вот. Совсем другое дело.

— Сегодня после двенадцати сможете подъехать?

— Да.

— Возьмите оригинал записи.

— Хорошо.

Сафонов помолчал, затем добавил:

— И Руденко мы проверили. Такой адвокат существует.

— Это уже хорошо.

— Не спешите. То, что существует адвокат с таким именем, ещё не означает, что вы должны ехать с ним куда угодно.

— Он сказал, что представляет семью водителя «Камри».

— Проверяем.

Андрей отломил кусок хлеба.

— Сам водитель жив?

— Жив. Ночью сделали операцию, состояние тяжёлое, но стабильное.

— Спасибо.

После звонка Ирина спросила:

— Ну?

Он пересказал.

— Значит, хотя бы этот Руденко настоящий.

— Настоящий человек и настоящий адвокат. Всё остальное пока неизвестно.

Она улыбнулась.

— Ты за два дня стал страшным занудой.

— Точность формулировок спасает деньги.

— А секс?

Андрей поднял голову.

— Что секс?

— От точности формулировок улучшается?

— Можно провести исследование.

Ирина выставила ладонь.

— Сначала кофе допью.

Понедельничный офис встретил обычным шумом, и Андрей неожиданно этому обрадовался. Лена разговаривала с клиентом и, судя по выражению лица, в третий раз объясняла человеку очевидное. Во дворе Миша возился с «Газелью». Телефон уже мигал пропущенными вызовами. Вот это было знакомо.

Лена прикрыла трубку ладонью.

— Андрей Викторович, там Павел Орлов вас ждёт. Минут пятнадцать уже.

— Орлов?

Имя вытянуло из памяти давнее знакомство.

— В переговорной?

— Да.

— Кофе ему дала?

Лена выразительно посмотрела на него.

— Нет, конечно. Пусть страдает.

— Тогда мне тоже сделай.

Павел поднялся навстречу. Не виделись года три. Он немного располнел, загорел, на нём была дорогая рубашка-поло и часы явно не из тех, которые покупают случайно возле кассы.

— Андрюха. Живой.

— Пока да.

— Как жизнь?

— Ты же не за этим приехал.

Павел рассмеялся.

— Всё такой же гостеприимный.

Они пожали руки. Когда-то Павел плотно занимался промышленным оборудованием, потом ушёл в какие-то строительные проекты. Андрей иногда слышал о нём через общих знакомых, но специально не следил. Орлов достал телефон.

— Есть одна вещь, которая тебе понравится.

На фотографиях были насосные агрегаты, электродвигатели, частотные преобразователи. Часть оборудования выглядела действительно новой.

— Шесть насосов, два частотника, моторы. Забрать всё можно за восемьсот пятьдесят.

Андрей перестал листать.

— Тысяч?

— Конечно.

— За всё?

— За всё.

— Украли?

Павел усмехнулся.

— Нормальный вопрос.

— Тогда объясни цену.

— Проект закрыли. Владельцу срочно нужны деньги. Ес-

ли разобрать и продавать поштучно, там полтора миллиона минимум.

— Кто владелец?

— ООО «ТехИнвест». Директор Левченко, Олег Сергеевич.

— Почему сам не берёшь?

Павел потёр мочку уха — жест вроде случайный, но Андрей запомнил его ещё со старых времён. Орлов так делал, когда ответ ему самому не очень нравился.

— Свободных денег сейчас нет.

— Восемьсот пятьдесят?

— Именно.

— И решил дать заработать мне?

— Не бесплатно. Пятьдесят комиссионных.

— Уже больше похоже на правду.

Павел наклонился к столу.

— Андрей, там только два частотника можно потом тысяч за триста пятьдесят продать. Насосы ходовые. Я бы сам взял, если бы мог.

— Документы видел?

— Да.

— Первичку?

— Есть.

— Серийные номера?

— Есть.

— Почему деньги нужны срочно?

— Не знаю. Какая разница, если товар чистый?

Андрей посмотрел на него.

— Вот именно это сначала и надо выяснить.

В этот момент телефон завибрировал. Сообщение с неизвестного номера: «Доброе утро. Надеюсь, вы подумали». Андрей почувствовал, как настроение меняется мгновенно. Ответил:

«О чём?»

Сообщение пришло почти сразу: «О записи». Павел заметил его лицо.

— Всё нормально?

— Да. Рабочее.

— Так что, поедем смотреть?

— После двух.

— Сейчас лучше. Там ещё люди интересуются.

— Значит, пусть интересуются.

— Андрюх, хорошая вещь долго не лежит.

— Хорошая — не значит чистая.

Павел пожал плечами.

— Я документы тебе скину.

— Скидывай всё. Договор поставки, накладные, счета, серийники. И до двух я сам посмотрю.

Когда Орлов ушёл, на телефоне уже висело новое сообщение: «Удалите файл, и на этом всё закончится». Андрей набрал:

«Что именно на записи вас беспокоит?»

Ответ: «Не усложняйте». Внутри поднялось раздражение. Он написал: «Вы второй день указываете мне, что делать, но ни разу не объяснили зачем. Так не работает». И почти сразу, ещё не успев положить телефон, услышал Голос:

— **Не лезь.**

Андрей медленно поднял голову.

— Куда?

Тишина.

— В эту историю?

Ничего.

— В сделку Павла?

Молчание. Он потёр переносицу.

— Очень полезно. Спасибо.

В дверь заглянула Лена.

— Вы со мной?

— Нет.

Она некоторое время смотрела на него.

— Хорошо. А то я уже начинаю сомневаться.

В отделе Сафронов встретил его без формы, в обычной рубашке и джинсах. После сообщений с угрозами и признаков того, что авария могла быть несчастной, материалы объединили. Сафронов вошёл в группу по эпизодам давления на свидетеля и теперь работал в связке со следователем, который вёл ДТП.

Оригинал записи забрали для копирования. Андрей показал новые сообщения.

— Я же просил не отвечать.

— Я спросил, зачем им запись.

— И что узнали?

— Что не надо усложнять.

Сафронов усмехнулся краем рта.

— Очень ценная информация.

— Вот и я так думаю.

Они сели.

— Руденко действительно представляет интересы семьи пострадавшего, — сказал Сафронов. — С этим всё нормально.

— Тогда почему вы всё равно не советуете с ним встретиться?

— Потому что мы ещё не понимаем всей ситуации.

— А самосвал?

Сафронов немного помедлил.

— Водитель утверждает, что отказали тормоза.

— Пьяный?

— Нет.

— На записи самосвал перед перекрёстком даже не сбрасывает скорость.

— Видели. Но по видео причину не установить.

— Что-нибудь нашли?

— Андрей Викторович, будет техническая экспертиза. За два дня такие вещи не устанавливают.

— Ладно. Кто был в «Камри»?

— Зачем вам?

— Мне уже неизвестные люди фотографируют машину и советуют стирать запись. Хотелось бы хотя бы знать, вокруг кого весь праздник.

Сафронов вздохнул.

— Роман Аркадьевич Беляев. Сорок шесть лет. Предприниматель.

— Чем занимается?

— Несколько компаний. Логистика, недвижимость.

— И враги?

— Это уже не ко мне.

— То есть есть?

Сафронов посмотрел на него с лёгким укором.

— Вот сейчас вы начинаете делать именно то, чего я прошу не делать.

— Я сижу в полиции и разговариваю с сотрудником.

— А через десять минут выйдете и полезете искать Беляева в интернете.

Андрей промолчал. Сафронов рассмеялся.

— Видите?

— Не буду.

— Не верю.

— Правильно.

Разумеется, уже в машине Андрей набрал в поиске: Роман Аркадьевич Беляев Краснодар.

— Я обещал не звонить, — сказал он сам себе.

Аргумент был слабый, но сгодился. Беляев оказался вполне обычным обеспеченным предпринимателем. Несколько компаний, логистика, коммерческая недвижимость. Фотографии с деловых мероприятий, интервью пятилетней давности, благотворительный турнир. В одном старом материале Беляев рассказывал о расширении логистического направления и вскользь упоминал, что текущие переговоры с клиентами и партнёрами ведёт коммерческий директор группы. Андрей фамилию даже не запомнил. Обычная корпоративная должность, каких он за свою жизнь видел десятки.

Ничего, что объясняло бы попытку стереть видеозапись. На одной из фотографий Беляев стоял рядом с мужчиной примерно шестидесяти лет. Подпись под снимком называла его Виктором Михайловичем Ковалёвым, совладельцем группы «Вкуснодар». Андрей машинально запомнил имя и закрыл страницу.

Пока оно ничего ему не давало. Документы от Павла пришли ближе к двум. Первичная стоимость оборудования оказалась почти пять миллионов. Восемьсот пятьдесят за всё выглядели ещё подозрительнее. Андрей позвонил Лене.

— «ТехИнвест» пробей, пожалуйста.

— По чему?

— Арбитраж, приставы, банкротство, директор — всё быстрое. И обязательно реестр залогов движимого имущества.

Через двадцать минут она вернулась с результатом.

— Компания действующая. По судам ничего смертельно-го, исполнительные производства есть, но небольшие. А вот залог нашёлся.

Андрей откинулся в кресле.

— Какой?

— Банковский. На оборудование.

— Перечень есть?

— Сейчас пришлю.

Он сравнил первые серийные номера. Совпали. Второй — тоже. Андрей позвонил Павлу.

— Ты про залог знал?

Пауза вышла настолько явной, что ответ уже не требовался.

— Про какой именно?

— Паша, не надо. Банковский залог на то самое оборудование.

— Он старый.

Андрей медленно провёл ладонью по лицу.

— Откуда ты знаешь, что старый?

— Левченко говорил. Они кредит закрыли, банк просто не убрал уведомление.

— Письмо банка есть?

— Наверняка.

— Не «наверняка». Пришли.

— Давай лучше на складе посмотрим.

— Я не поеду с восьмьюстами пятьюдесятью тысячами разбираться на складе, снят залог или нет. Сначала документ.

Через некоторое время Павел прислал письмо банка. Андрей прочитал дважды. Это было не согласие на снятие залога. Банк сообщал, что после дополнительного погашения готов рассмотреть вопрос об исключении отдельных единиц оборудования из залоговой массы. Он перезвонил.

— Ты сам это читал?

— По диагонали.

— Там ничего не снято.

— Снимут после сделки.

— За мои деньги?

— Ну, часть платежа должна пойти банку.

Андрей на секунду закрыл глаза.

— Паша, ты утром предложил мне купить чистое оборудование. Сейчас выясняется, что оно в залоге и моими деньгами продавец сначала собирается решать проблему с банком. Ты не видишь разницы?

— Всё решаемо.

— Вот и решите. Когда снимете залог — позвони.

— Ты маржу теряешь.

— Переживу.

Через пять минут пришло сообщение: «Другой покупатель уже на складе. Потом не говори, что не предлагал». Андрей ответил: «Удачи». Завёл машину и поехал обратно в

офис. На светофоре Голос неожиданно произнёс:

— **Правильно.**

Андрей чуть не отпустил педаль тормоза.

— Так это было про Павла?

Никакого ответа.

— Или про всё остальное?

Тишина. Он хлопнул ладонью по рулю.

— Да пошёл ты.

Водитель соседней машины повернул голову. Андрей поднял ладонь в извиняющемся жесте.

— Не вам.

В офисе на стойке лежал белый конверт. На нём от руки было написано: «Андрею Викторовичу. Лично». Андрей остановился.

— Кто принёс?

Лена сразу поняла, что вопрос не праздный.

— Мужчина. Сказал, курьер.

— Как выглядел?

— Лет тридцать. Кепка, серый рюкзак. Ничего особенного.

— Камера его сняла?

— Должна.

Андрей не стал открывать конверт. Сфотографировал, положил на стол и позвонил Сафронову. Тот велел не трогать и приехал сам минут через сорок. Конверт открывали уже в перчатках. Внутри оказалась одна фотография. Ирина.

Возле дома Андрея. В руках пакеты, волосы распущены. Она идёт к подъезду и ничего не подозревает.

На обороте чёрным маркером: «Не делайте чужую проблему своей». Несколько секунд в кабинете никто не говорил. Потом молодой сотрудник, приехавший с Сафроновым, произнёс:

— Это уже серьёзнее.

Андрей повернул голову.

— Спасибо. Без вас бы не понял.

Сафронов положил фотографию в пакет.

— Позвоните ей сейчас.

— Она на работе.

— Тем более. Скажите, чтобы сегодня одна никуда не ходила.

Андрей вышел в коридор. Ирина ответила почти сразу.

— Привет.

— Ты где?

— На работе. А что?

— До шести?

— Да.

— Я за тобой приеду. Одна никуда не выходи.

Наступила пауза.

— Что случилось?

Андрей провёл пальцами по лбу.

— Фотографию твою прислали.

— Какую фотографию?

— Вчера возле моего дома.

Она молчала довольно долго.

— Поняла.

Голос изменился, хотя Ирина старалась этого не показывать.

— Я сейчас приеду.

— Не надо. Тут люди, охрана. В шесть подъезжай.

— Хорошо.

— Полиция знает?

— Здесь стоят.

— Тогда ладно.

Когда Андрей вернулся в кабинет, Сафронов посмотрел на него и сказал:

— Теперь, надеюсь, понимаете, почему я просил не лезть дальше?

Фраза отозвалась неприятно знакомо. Не лезь. Голос сегодня сказал то же самое. Андрей нахмурился.

— Что? — спросил Сафронов.

— Ничего.

— У вас это слово в последнее время часто используется.

— Сам заметил.

До встречи с Ириной оставалось несколько часов. Андрей сидел у себя и чувствовал, как злость постепенно вытесняет всё остальное. Пока фотографировали его — это было неприятно. Когда полезли в машину — ещё неприятнее. Но Ирина вообще не имела к этой истории отношения. Она про-

сто была рядом.

Ему очень хотелось написать неизвестному что-нибудь вроде: «Ещё раз подойдёте к ней — пожалеете». Пальцы даже набрали первые слова.

Потом Андрей стёр. Красиво. По-мужски. И совершенно бессмысленно. Угрозами в адрес людей, которых он даже не знает, он сейчас только покажет, куда именно надо давить. Вместо этого Андрей позвонил Руденко.

— Евгений?

— Да, Андрей Викторович.

— Встречаемся.

— Когда удобно?

— Через час.

Он назвал ресторан возле большого торгового центра. Людно, камеры, парковка. После этого набрал Сафронова.

— Я встречаюсь с Руденко.

— Нет.

— Уже договорился.

Сафронов явно сдержал раздражение.

— Андрей Викторович, я вам что говорил?

— Мне фотографию женщины принесли. Я хочу понять, из-за чего.

— Руденко может вам сказать только свою версию.

— Отлично. Я хотя бы её услышу.

— Где встречаетесь?

Андрей назвал место.

— Сидите внутри. Никуда с ним не едите.

— Я похож на идиота?

— Последние двое суток вы заставляете меня сомневаться.

Руденко оказался мужчиной около пятидесяти, седым на висках, с обычной неброской внешностью. Никакой показной адвокатской важности. Он пришёл вовремя.

— Андрей Викторович?

— Евгений.

Пожали руки. Руденко сел и, заметив выражение лица Андрея, спросил:

— Что-то произошло?

Андрей достал телефон и показал снимок Ирины.

— Сегодня принесли в офис.

Руденко перестал улыбаться.

— Полиция видела?

— Да.

Он несколько секунд рассматривал фотографию.

— Значит, нервничают.

— Кто?

— Вот это как раз и пытаемся понять.

— Евгений, давайте без загадок. Мне уже достаточно людей, которые разговаривают намёками.

Руденко кивнул.

— Хорошо. Беляев последние полтора месяца получал угрозы.

— Из-за чего?

— Из-за его доли в одной компании. «Южный терминал».

Логистика и складская недвижимость.

— Сколько у него?

— Тридцать пять процентов.

— Кто остальные?

— Два партнёра.

— И кто хотел купить его долю?

— Формально инвестиционная структура. Кто стоит за ней на самом деле, до конца неясно.

Андрей усмехнулся.

— Всё равно загадка.

— Потому что я не хочу выдумывать то, чего не знаю.

Это Андрей оценил.

— А авария?

— В то утро Беляев ехал на встречу. Ему должны были передать документы по «Южному терминалу».

— Какие именно?

— Не знаю точно.

— Они были в машине?

— Предположительно да.

Андрей вспомнил чёрный предмет в руке мужчины.

— Чёрная папка?

Руденко поднял глаза.

— Вы её видели?

— На записи. Тот человек что-то чёрное забрал с пасса-

жирского сиденья.

Руденко тихо выругался.

— Что там было?

— Точно знает Беляев. Но он пока не может говорить.

— А человек, который должен был передать документы?

Руденко помедлил.

— Исчез.

— В каком смысле?

— Телефон выключен, дома нет. Со вчерашнего дня.

— Может, испугался и уехал.

— Может.

Андрей невольно улыбнулся.

— Вы с Сафроновым случайно не родственники? Он тоже очень любит слово «может».

Руденко усмехнулся.

— В нашей работе оно полезнее, чем уверенность без доказательств.

— Хорошо. Тогда ещё проще. Почему вы вообще вышли на меня?

— Потому что пока ваша запись — единственная известная нам видеозапись, где виден человек, забравший папку.

— Теперь она у полиции.

— Тем лучше.

— Тогда я вам зачем?

Руденко посмотрел прямо.

— Хотел понять, успели ли те люди выйти на вас раньше

нас.

Андрей показал фотографию Ирины.

— Ответ получили.

— Да.

— И что мне теперь делать?

— Ничего. Именно ничего. Не искать этих людей, не пытаться выяснять, кто они. Запись у полиции — этого достаточно.

Андрей рассмеялся.

— Удивительный день. Все советуют мне ничего не делать.

— Иногда это разумный совет.

— Иногда.

Он уже собирался закончить разговор, когда вспомнил фотографию из интернета.

— Вы знаете Виктора Ковалёва?

Руденко чуть задержался с ответом. Совсем немного. Но Андрей заметил.

— Почему спрашиваете?

— Видел его на фотографии с Беляевым.

— Они знакомы.

— Близко?

— Насколько я знаю, нет.

— По бизнесу пересекались?

— Да.

— С «Южным терминалом» Ковалёв связан?

— Не думаю.

— «Не думаю» или нет?

Руденко улыбнулся.

— Теперь и вы заразились точными формулировками.

— Последние дни располагают.

— Насколько мне известно, прямого отношения он к компании не имеет.

Андрей кивнул. Имя пока оставалось просто именем. После встречи Сафронов действительно оказался на парковке.

— Вы меня контролировали?

— Я рядом был.

— Конечно.

Сафронов сунул руки в карманы.

— Что он рассказал?

Андрей кратко пересказал.

— Получается, вы про угрозы Беляеву знали.

— Некоторые вещи не могу обсуждать.

— Адвокат может.

— Адвокат отвечает за себя.

— Он врёт?

Сафронов посмотрел на него.

— Я этого не сказал.

— С вами тяжело.

— Работа такая.

Андрей помолчал.

— Что с Ириной делать?

— Несколько дней пусть будет внимательнее. По возможности не ходит одна поздно вечером. Если хотите нанять охрану — ваше право, но пока прямой угрозы физического нападения я не вижу.

Это почти совпало с ответом Голоса. Андрей нахмурился.

— И всё-таки, — продолжил Сафронов, — дальше сами не лезьте.

— Вы сегодня уже второй, кто мне это говорит.

— Первый умный человек.

— Не уверен.

Ирину он забрал в шесть. Она вышла из офиса вместе с коллегой и, садясь в машину, сразу заметила, как Андрей проверил зеркала.

— Теперь будешь как телохранитель?

— Несколько дней.

— Мне нравится. Только костюм чёрный купи и наушник в ухо.

— Зарплату обсудим заранее.

По дороге Андрей рассказал про Руденко. Ирина слушала внимательно, почти не перебивая.

— То есть аварию Беляева могли подстроить?

— Могли.

— Из-за доли в компании?

— Возможно.

— И тот человек забрал документы.

— Похоже.

Она несколько секунд смотрела в окно.

— А Голос спас тебя.

Андрей перевёл взгляд на неё.

— Меня.

— Почему именно тебя?

Вот этот вопрос он сам себе ещё толком не задавал.

— Потому что он у меня в голове?

— Я серьёзно.

— Я тоже. Другого ответа пока нет.

Ирина помолчала.

— Он сегодня говорил?

— Дважды.

— Ты же вопрос не задавал.

— Сам сказал сначала «не лезь», а потом, когда я отказался от сделки Павла, — «правильно».

— Значит, «не лезь» относилось к сделке.

— Возможно.

— Почему только возможно?

— Потому что в тот момент у меня одновременно было несколько вещей, куда не следовало лезть.

— Удобный у тебя советчик.

— Невероятно.

Вечером позвонил Павел. Голос у него был уже не такой уверенный.

— Андрюх, ты был прав.

— Приятно слышать. Что случилось?

— Тот второй покупатель дал сто тысяч задатка.

— И?

— Левченко трубку не берёт. Склад закрыт.

— Верни человеку деньги.

Павел замялся.

— Там не всё так просто.

— Что именно?

— Деньги через меня прошли.

Андрей медленно сел.

— Паша. Он перевёл задаток тебе?

— Ну да.

— Зачем?

— Я должен был дальше передать.

— Передал?

— Часть.

— Кому?

— Сейчас это неважно.

— Тогда и мой ответ тебе неважен.

Павел заговорил быстрее:

— Подожди. Я на складе сейчас. Здесь ещё какие-то люди приехали. Левченко нет. Похоже, оборудование вообще не его или там что-то другое. Приезжай, посмотри бумаги. Ты уже всё пробивал.

— Нет.

— Да ладно тебе. Я заплачу.

— Паша, я не поеду.

— Пятьдесят тысяч.

Андрей посмотрел на Ирину, сидевшую рядом. Она подняла брови.

— Нет.

— Сто.

— Всё равно нет.

— Ты серьёзно?

— Абсолютно.

После разговора Ирина спросила:

— Сто тысяч за один вечер?

— Да.

— И не поехал?

— Видишь, взрослою.

— Я даже немного горжусь.

Через минуту Павел прислал сообщение: «Здесь совсем мутно. Какие-то люди приехали. Левченко исчез. Если что, я тебе звонил». Андрей показал Ирине.

— Хочется поехать?

— Очень.

— И?

— Не поеду.

— Почему?

— Потому что хоть один раз полезно послушать того, кто живёт у меня в голове.

Ближе к полуночи они снова открыли тетрадь. Сегодняшний вопрос Андрей ещё не использовал. Он мог задать его

прямо сейчас, а после двенадцати, если правило календарного дня подтвердится, получить ещё один ответ. Ирина предложила спросить про Беляева. Андрей качнул головой.

— Если я спрошу, была ли авария подстроена, и получу «да», что изменится? Мы и так это подозреваем.

— Тогда про того мужика.

— Тоже можно.

Он смотрел на фотографию Ирины и наконец написал:

«Попытается ли кто-нибудь до полуночи завтра намеренно причинить Ирине физический вред из-за записи ДТП или моих действий, связанных с ней?»

Она прочитала и поморщилась.

— Не люблю этот вопрос.

— Я тоже.

— Может, не тратить его на меня?

— Не начинай.

— Я серьёзно.

— Я тоже.

В 23:57 Андрей обратился к Голосу.

— Попытается?

— **Нет.**

Он записал ответ. Ирина выдохнула, хотя только что убеждала его не спрашивать. Через несколько минут часы показали полночь. Новый день. Новый вопрос.

Теперь Андрей уже не хотел получать подтверждение очевидного. Нужно было сузить круг. Он долго формулировал,

затем написал:

«Знаком ли я лично с человеком, который организовал ДТП с Беляевым?»

Ирина прочитала.

— Почему именно так?

— Если ответ «нет», мы почти ничего не потеряем. Если «да» — хотя бы будем знать, что искать среди знакомых.

— Логично.

Андрей сосредоточился.

— Я лично знаком с человеком, который организовал ДТП с Беляевым?

— Да.

Он не сразу что-то сказал. Ирина увидела выражение его лица.

— Что?

— Да.

— Ты его знаешь?

— Получается.

Она села ближе.

— Кого?

— Вот это как раз хороший вопрос на завтра.

Андрей перебирал в голове людей последних дней. Валера. Громов. Павел. Клиенты. Поставщики. Старые знакомые. За пятьдесят два года список получался огромный. Телефон зазвонил в 00:04. Павел. Андрей некоторое время смотрел на имя, потом включил громкую связь.

— Что случилось?

Сначала был слышен только шум дороги и тяжёлое дыхание.

— Андрей... Ты не спишь?

— Уже нет.

— Я со склада уехал.

— И правильно.

— Там вообще какая-то херня.

— Какая?

Павел замолчал.

— Паша, говори.

— Ты Виктора Михайловича Ковалёва знаешь?

Андрей посмотрел на Ирину. Имя он уже видел накануне. На фотографии рядом с Беляевым.

— Лично нет. А что?

— Странно.

— Что странно?

— Он про тебя спрашивал.

— Где?

— На складе. Приезжал туда.

У Андрея внутри неприятно сжалось.

— Что именно спрашивал?

— Ты ли тот Андрей, у которого запись той аварии.

Ирина перестала улыбаться.

— И что ты сказал?

— Что понятия не имею.

— Он поверил?

— Не знаю. Андрей, он ещё одну вещь сказал.

— Какую?

Павел заговорил тише, будто рядом всё ещё мог кто-то слушать:

— Сказал: «Если это он, пусть занимается своими насосами и не суёт нос куда не просят».

Связь оборвалась. Андрей некоторое время смотрел на погасший экран. Потом открыл тетрадь. Последняя запись:

«Знаком ли я лично с человеком, который организовал ДТП с Беляевым?»

Да. Ниже он медленно написал: Ковалёва лично не знаю. Ирина проследила за ручкой и тихо спросила:

— Значит, не он?

Андрей закрыл тетрадь.

— Значит, тот, кто всё это устроил, уже когда-то стоял рядом со мной, разговаривал со мной или жал мне руку.

Он посмотрел на телефон.

— И вот это мне нравится гораздо меньше.

Глава 4. Уже поздно

Андрей проснулся раньше будильника и несколько секунд лежал с закрытыми глазами, пытаясь понять, что именно его разбудило. Телефон молчал. За окном тоже ничего особенного не происходило. С улицы доносился редкий шум машин, где-то во дворе хлопнула дверь подъезда.

Рядом спала Ирина, отвернувшись к стене и забрав себе почти всё одеяло. Андрей осторожно потянул край на себя. Ирина, не просыпаясь, прижала его локтем.

— Моё.

Он улыбнулся.

— Конечно.

— Купи себе.

Голос у неё был совершенно сонный. Андрей всё-таки отвоевал кусок одеяла и посмотрел на часы. 06:38. Спать больше не хотелось. В голове уже крутилась ночная фраза Павла: Ковалёв про тебя спрашивал. И следом другая: Если это он, пусть занимается своими насосами и не суёт нос куда не просят.

Ночью это прозвучало почти как угроза. Утром, после нескольких часов сна, впечатление немного изменилось. Слишком уж странная угроза. Если Ковалёв действительно имел отношение к тому, что произошло с Беляевым, зачем через случайного Павла передавать Андрею почти отеческий

совет заниматься насосами?

Можно было просто промолчать. Или позвонить тем же способом, каким уже звонили неизвестные. Андрей взял телефон. Новых сообщений не было. Он открыл переписку с номером, от которого вчера пришло: «Удалите файл, и на этом всё закончится». И вдруг поймал себя на мысли, которая почему-то не пришла раньше.

Запись уже у полиции. Не копия где-то в его облаке, не флешка в ящике, которую можно отобрать. Официально передана сотрудникам. Так какого чёрта они до сих пор требуют её удалить? Андрей сел. Ирина недовольно заворчала, почувствовав движение.

— Ты куда?

— Никуда.

— Тогда лежи.

Он не ответил. Открыл переписку и набрал: «Запись уже находится в полиции. Копия передана официально. Есть ещё несколько копий. Требовать от меня что-то удалять бессмысленно». Прочитал. Добавил: «И Ирину больше не трогайте. Она к этому отношения не имеет». Палец завис над кнопкой отправки.

Ирина приподняла голову.

— Что делаешь?

— Пишу нашим поклонникам.

Сон исчез с её лица почти сразу.

— Зачем?

— Потому что мы все последние два дня ведём себя как идиоты.

— Очень обнадёживающее начало утра.

Андрей показал экран. Она прочитала.

— А ведь правда.

— Вот и я только сейчас понял. Запись уже у полиции. Всё. Поезд ушёл. Даже если я сейчас собственноручно уничтожу регистратор, ноутбук и телефон, что изменится?

Ирина села, подтянув одеяло к груди.

— Ничего.

— Тогда зачем они продолжают?

— Может, не знают, что ты передал?

— Руденко знает. Полиция знает. Я вчера в сообщениях прямо это не писал.

— Напиши.

Андрей отправил. Положил телефон рядом.

— Теперь посмотрим.

— А если не ответят?

— Значит, наконец-то поуменьли.

Ирина посмотрела на него несколько секунд.

— Ты сам понимаешь, что этой ночью спрашивал Голос, знаком ли с человеком, который организовал ДТП с Беляевым, а утром первым делом переписываешься с теми, кто тебе угрожает?

— Очень продуктивная жизнь.

— Я серьёзно.

— Я тоже.

Он встал.

— Кофе?

— Да. И нормальный, пожалуйста, а не ту бурду, которую ты называешь американо.

— В моём доме командовать будешь.

— Мы в моём.

Андрей огляделся.

— Тогда имеешь право.

Пока кофемашина шумела, телефон на столе завибрировал. Они оба посмотрели. Сообщение. Тот же номер. Андрей открыл. «Мы знаем, что запись уже у них». Он перечитал. Ирина подошла ближе.

— Ну вот.

Через несколько секунд пришло второе: «Удаление больше не имеет значения». Андрей медленно поставил чашку.

— Уже интереснее.

Третье сообщение появилось почти сразу. «Вы видели человека возле машины. Если вас будут спрашивать, вы его не рассмотрели». Ирина тихо выдохнула.

— Вот зачем.

Андрей ничего не ответил. Он открыл видео и остановил кадр с мужчиной возле «Камри». Камера поймала лицо, но не идеально. Ракурс сбоку, несколько метров, движение. Для общего впечатления достаточно. Для уверенного опознания — уже вопрос. А вот сам Андрей видел его метров с десяти.

И несколько секунд смотрел прямо в лицо.

— Получается, запись была только половиной проблемы,

— сказала Ирина.

— Похоже.

— А вторая половина — ты.

— Спасибо. Очень приятное уточнение.

Она посмотрела на него и неожиданно улыбнулась.

— Зато теперь логично.

— Что именно?

— Почему тебя не пытаются убрать.

— Ира, вот умеешь ты утром поддержать.

— Ну а что? Им совершенно не нужен ещё один серьёзный эпизод после того, как запись уже в полиции. Им нужно, чтобы ты ничего не вспомнил.

Андрей сделал глоток кофе.

— Или чтобы вспомнил неправильно.

Ирина перестала улыбаться.

— Вот это уже хуже.

Сафронову он позвонил в восемь пятнадцать. Тот выслушал и попросил переслать сообщения.

— Я правильно понимаю, — сказал Андрей, — что теперь история с «удалите запись» закончилась?

— Скорее всего.

— Очень уверенно.

— Андрей Викторович, вы сами только что получили сообщение, где вам прямо написали, что удаление больше не

имеет значения.

— Я о другом. Они знали, что запись у вас.

— Судя по сообщению — да.

— Откуда?

Сафронов помолчал.

— Вариантов много.

— Не говорите «много». Назовите хотя бы два.

— Могли видеть, как вы общались с сотрудниками. Могли предположить. Могли получить информацию через людей, которые были на месте. Могли следить за вами.

— Или у вас кто-то рассказал.

На том конце наступила короткая тишина.

— Могли, — спокойно сказал Сафронов.

Андрей не ожидал.

— Даже так?

— Я не собираюсь изображать, что утечки информации не существуют. Но пока оснований обвинять кого-либо из сотрудников нет.

— Понял.

— И ещё. Теперь никаких ответов этим людям.

— Я и не собирался.

— Вы уже три раза так говорили.

— Тогда теперь говорю искренне.

Сафронов усмехнулся.

— Сообщение про опознание важно. Нам нужен будет от вас более подробный опрос.

— Сегодня?

— Позже позвоню.

— Человека с видео ещё не установили?

— Пока нет.

— Серую машину?

— Номер, скорее всего, подложный.

— Украденный?

— Сам номер настоящий. Принадлежит другой машине.

— Такой же?

— Нет.

Андрей потёр подбородок.

— То есть кто-то заранее повесил чужие номера.

— Похоже на то.

— И вы по-прежнему не готовы сказать, что ДТП было подстроено?

— Я готов сказать, что эту версию проверяют очень серьёзно.

— Уже лучше.

Сафронов собирался закончить разговор, но Андрей остановил:

— Ещё вопрос. Ковалёв.

Пауза.

— Что Ковалёв?

— Виктор Михайлович. Он вчера был на складе у Павла. Спрашивал обо мне и про запись.

Теперь молчание стало длиннее.

— Откуда вы знаете?

— Павел позвонил ночью.

— Что именно сказал Ковалёв?

Андрей повторил почти дословно. Сафронов неожиданно хмыкнул.

— И вы сразу решили, что нашли организатора?

— Я ничего не решил. Голос...

Он оборвал себя.

— Что?

— Ничего. Просто совпадение показалось странным.

— Не звоните Ковалёву сами.

— Почему?

— Потому что я опять прошу вас не заниматься расследованием.

— А если он сам позвонит?

— Тогда поговорите. Разговаривать у нас пока не запрещено.

— Очень щедро.

Павел позвонил через двадцать минут. Голос у него был хриплый, будто он либо плохо спал, либо хорошо пил.

— Ты чего трубку потом не брал?

— Ночь была.

— Я два раза звонил.

— Я услышал главное.

— Какое главное?

— Ковалёв.

Павел шумно вздохнул.

— Вот про это я и хочу поговорить.

— Говори.

— Ты только не накручивай себя.

— После такой фразы люди обычно рассказывают что-то очень успокаивающее.

— Он не угрожал тебе.

— А что это было?

— Ты всё не так понял.

Андрей сел в машину, но заводить не стал.

— Паша, я понял ровно то, что ты сказал. Человек, которого я вчера увидел на фотографии рядом с Беляевым, приезжает ночью на склад, спрашивает про меня и советует не совать нос. Где именно я ошибся?

— В том, что я тебе ночью половину не рассказал.

— Почему?

— Потому что сам охренел.

Андрей помолчал.

— Теперь рассказывай вторую.

Павел кашлянул.

— Это оборудование, которое Левченко пытался продавать... оно вообще не его.

— Я уже догадался.

— Оно Ковалёва.

— В смысле?

— Не лично его. Одной из его компаний. Они давали его

«ТехИнвесту» под проект, там какая-то схема с лизингом или ответственным хранением, я до конца не понял. Короче, продавать Левченко его не имел права.

Андрей прикрыл глаза.

— И ты хотел, чтобы я за него восемьсот пятьдесят тысяч отдал.

— Я сам не знал.

— Ты хотя бы документы видел?

— Те, что он показал.

— Паша, иногда я поражаюсь, как ты до пятидесяти дожил.

— Спасибо.

— Не за что. Дальше.

— Ковалёв приехал потому, что ему сообщили, что оборудование собираются вывозить. Там его люди были.

— А про меня откуда узнал?

Павел замялся.

— От меня.

Андрей закрыл глаза окончательно.

— Паша.

— Ну а что? Мы разговаривали. Он спросил, кто ещё смотрел оборудование. Я сказал, что ты. Потом сказал, что ты в эту историю с аварией влез.

— Зачем?

— Да не знаю я! Разговор был. Я нервный был. Он спросил, тот ли ты Андрей, который оборудование проверял, я

сказал: да, тот самый, у которого запись ДТП.

— Великолепно.

— Я не думал, что это секрет.

— Теперь уже не секрет.

— И вот тогда он сказал про насосы.

Андрей некоторое время молчал. Картина стала выглядеть совсем иначе. Ковалёв не обязательно каким-то тайным способом узнал про него. Ему рассказал Павел. И фраза «пусть занимается насосами» могла означать ровно то, что означала: не лезть туда, где Андрей ничего не понимает.

— Паша, ты ночью так это преподнёс, будто Ковалёв специально меня разыскивал.

— Ну он спросил.

— Потому что ты сам меня упомянул.

— Да.

— Очень маленькая деталь.

— Я же сейчас объясняю.

— Продолжай.

— Он хочет с тобой встретиться.

Андрей усмехнулся.

— Конечно.

— Серьёзно.

— Зачем?

— Не знаю.

— Паша.

— Вот тут правда не знаю. Он сказал: «Если этот Андрей

тот, который первым полез залог проверять и не повёлся на цену, дай ему мой номер».

— И всё?

— Ещё сказал, что у него есть разговор по работе.

— Какой?

— Не сказал.

— Номер давай.

— Ты же минуту назад ругался, что я всем твой телефон раздаю.

Андрей рассмеялся.

— Справедливо. Тогда мой ему не давай. Его пришли мне.

— Уже.

Сообщение появилось сразу. Виктор Михайлович Ковалёв. Краснодарский номер. Андрей сохранил контакт. Звонить не стал. В офисе жизнь текла совершенно независимо от серых машин, Беляева и Голоса. Лена положила на стол три счёта.

— Этот сегодня надо оплатить, иначе отгрузку тормознут. Этот можно завтра. А вот по этому они опять цену подняли.

— На сколько?

— На семь процентов.

Андрей посмотрел.

— С какого счастья?

— Говорят, новый прайс.

— Старый когда прислали?

— Десять дней назад.

— Позвони им. Скажи, что или по старому счёту отгружают, или берём у другого.

— Уже сказала.

— И?

— Сказали, что будут думать.

Андрей поднял глаза.

— Тогда зачем спрашиваешь меня?

Лена невинно улыбнулась.

— Хотела убедиться, что я правильно думаю.

— Правильно.

— Спасибо.

Она развернулась и уже возле двери добавила:

— Вам, кстати, какой-то Виктор Михайлович звонил.

Андрей оторвался от документов.

— Ковалёв?

— Не представился фамилией. Сказал, что перезвонит через десять минут.

— Если перезвонит — соединяй.

Ковалёв позвонил через семь.

— Андрей Викторович?

— Слушаю.

— Виктор Ковалёв. Павел, надеюсь, уже успел объяснить, что изобразил из нашего разговора.

Андрей усмехнулся.

— Только что.

Ковалёв засмеялся.

— Я утром сам подумал, как Павел мог её пересказать. Поэтому и звоню.

— Тогда зачем вы спрашивали про запись?

— Потому что Павел сказал, что вы оказались свидетелем аварии Беляева.

— Вы Беляева хорошо знаете?

— Достаточно давно. Хорошо — это другое.

Манера речи Ковалёва Андрею понравилась сразу. Он не рубил словами и не пытался звучать загадочно. Говорил спокойно, иногда чуть растягивая фразу, будто заранее видел её конец.

— А вы были на складе из-за оборудования?

— Именно. Моего оборудования.

— Павел уже объяснил.

— Надеюсь, вы ему денег не давали.

— Нет.

— Значит, не зря залог проверяли.

— Это довольно обычная проверка.

— Для вас, возможно. Человек, который приехал покупать после вас, почему-то её не сделал.

— Его проблемы.

— Теперь уже немного мои.

Андрей откинулся в кресле.

— Вы хотели поговорить по работе?

— Хотел. Есть один объект, по которому мне нужен чело-

век со стороны. Не продавец, не мой сотрудник и желательно без желания понравиться.

— Очень лестное описание.

— Павел сказал, вы умеете говорить «нет», даже когда перед вами хороший заработок.

— Павел вчера предлагал мне купить чужое имущество в залоге.

— Вот именно.

Ковалёв помолчал.

— Через несколько дней будем смотреть одну производственную линию. Продавец просит сорок восемь миллионов. Мне нужен человек, который сможет оценить не бухгалтерию, а саму железку: состояние, что придётся менять, сколько реально будет стоить запуск и не продают ли мне красивую грудку металла.

— Что за линия?

— Розлив и упаковка. Не ваша прямая специализация, понимаю. Но там насосы, приводы, электродвигатели, автоматика. Узкие вещи посмотрят другие.

— Почему я?

Ковалёв ответил не сразу.

— Потому что специалисты, которых мне предлагают продавцы, почему-то почти всегда считают, что объект прекрасен. Мои сотрудники тоже знают, какой ответ мне хотелось бы услышать. А вы вчера потеряли потенциальную прибыль только потому, что один документ вам не понравился.

— Не один документ. Залог.

— Тем более.

Андрей постучал ручкой по столу.

— И сколько вы хотите заплатить человеку за право сказать вам, что сорок восемь миллионов вы собираетесь выбросить?

Ковалёв тихо рассмеялся.

— Вот поэтому и хочу встретиться.

— Когда?

— Сегодня обедаете?

— Обычно да.

— В два удобно?

Андрей задумался.

— Где?

Ковалёв назвал ресторан в центре.

— Знаю.

— Тогда в два. И ещё, Андрей Викторович...

— Да?

— По Беляеву. Не ищите там связь со мной только потому, что нашли одну общую фотографию в интернете.

Андрей замолчал.

— Откуда вы знаете, что я её нашёл?

— Павел сказал.

— Конечно.

— Он сегодня слишком разговорчив.

— Это мягко сказано.

Ковалёв чуть изменил тон.

— Беляева я знаю лет пятнадцать. Мы не друзья. Иногда пересекались по делам, иногда сидели за одним столом. В его конфликт я не вхожу и входить не собираюсь. Если вас интересует именно это.

— Интересует.

— Тогда до двух.

Связь оборвалась. Андрей некоторое время смотрел на телефон. Пока Ковалёв совсем не походил на человека, которого стоило немедленно вписывать в эту историю только из-за одной фотографии и неудачно пересказанной фразы Павла. Но Андрей уже успел убедиться: внешний вид и манеры вообще мало что доказывают.

Перед встречей позвонил Руденко.

— Андрей Викторович, есть новости по Беляеву.

— Какие?

— Пришёл в сознание.

— Говорит?

— Немного. Врачи сильно ограничивают общение.

— Это хорошо.

— Да. И он подтвердил одну вещь.

Андрей отложил ручку.

— Папку?

— Вот здесь как раз интересно. Это была не папка с документами.

— А что?

— Небольшой чёрный чехол. Там лежал второй телефон и флеш-накопитель.

— Зачем второй телефон?

— Пока не знаю.

— А вчера вы говорили о документах.

Руденко не стал оправдываться.

— Потому что семья считала, что Беляев вёз документы. Ошибались.

Андрей оценил прямой ответ.

— Телефон важный?

— Судя по его реакции — очень.

— Что на нём?

— Этого он пока не сказал.

— Или вам не сказал?

— И то и другое возможно.

— Сафронов вас точно чему-то учит.

Руденко усмехнулся.

— Есть ещё одно. Беляев спросил, видел ли кто-нибудь мужчину, который подошёл к машине после аварии.

— И?

— Я сказал, что есть свидетель.

— Моё имя назвали?

— Нет.

— Спасибо.

— Но полиция, естественно, знает.

— Мне сегодня уже объяснили, что проблема теперь не в

видеозаписи, а в том, что я видел этого человека.

Руденко помолчал.

— Кто объяснил?

— Те же люди.

Андрей пересказал утренние сообщения. Голос адвоката стал жёстче.

— Сохраните всё.

— Уже.

— Они прямо потребовали сказать, что вы не рассмотрели лицо?

— Именно.

— Тогда теперь хотя бы понятно, почему продолжается давление.

— Вот и я об этом подумал.

— На записи лицо видно недостаточно хорошо для уверенного опознания. Если вы видели его ближе, ваше свидетельство действительно может оказаться важным.

— Я видел секунд пять. Может, семь.

— Этого бывает достаточно.

— А бывает недостаточно.

— Конечно.

Андрей вздохнул.

— Не хочу через неделю убедить себя, что помню лицо лучше, чем видел на самом деле.

— Очень правильная мысль. Поэтому, если полиция будет проводить опознание, не пытайтесь заранее искать это-

го человека по фотографиям. Иначе потом сами не поймёте, что именно помните — его лицо на месте ДТП или картинку из интернета.

Это было разумно.

— Хорошо.

— И ещё. Беляев назвал одно имя.

— Какое?

— Антон.

— Фамилия?

— Не успел или не захотел. После этого врачи разговор прекратили.

— Антон тот, кто забрал телефон?

— Неизвестно.

— Тот, кто устроил ДТП?

— Неизвестно.

— Человек, с которым он должен был встретиться?

— Тоже пока неизвестно.

Андрей покачал головой.

— Полезная информация.

— Другой пока нет.

После звонка он открыл тетрадь и на отдельной строке написал: Антон. Само по себе имя не говорило ничего. Антонов за жизнь у него было десятки. Клиенты. Одноклассники. Сотрудники. Знакомые знакомых. Но ночью Голос ответил: Да. Он лично знаком с человеком, организовавшим ДТП с Беляевым.

И теперь в истории впервые появилось имя. Пока только имя. Ковалёв пришёл в ресторан раньше. Андрей узнал его по фотографии, хотя в жизни тот выглядел проще. Серые брюки, светлая рубашка без галстука, дорогие, но неброские часы. Волосы почти полностью седые. Он поднялся навстречу.

— Андрей Викторович.

— Виктор Михайлович.

Рукопожатие крепкое, но без соревнования, кто кому пальцы сломает.

— Садитесь. Я уже заказал воду. Если вы против — поменяем.

— Вода меня устраивает.

— Хорошо. Павел вас вчера сильно подставил?

— Пока только морально.

Ковалёв улыбнулся.

— Это у него тоже талант.

Заказали еду. Первые несколько минут говорили исключительно об оборудовании. Ковалёв объяснил, что его группа собирается покупать небольшое производство в Адыгее вместе с линией розлива. Здания и земля оценивались отдельно, а по оборудованию продавец называл цифру, которая Ковалёву не нравилась.

— Я не хочу услышать, сколько такая линия стоила новой, — сказал он. — Это цифра для человека, который любит вспоминать молодость. Мне нужно понять, сколько она

стоит сегодня, если завтра я нажму кнопку и попытаюсь на ней работать.

— Я один такую оценку не дам.

— И не надо. По автоматике будет свой человек. По холодильному оборудованию — свой. Мне нужен тот, кто посмотрит механику и общую эксплуатацию.

— Тогда можно.

— Вот и договорились.

— Мы ещё про деньги не договорились.

Ковалёв рассмеялся.

— Павел прав. Вы тяжёлый человек.

— Когда я лёгкий, мне обычно потом дорого.

Официант поставил перед ними салаты. Ковалёв убрал телефон со стола в карман и сказал уже другим тоном:

— Теперь про Беляева. Чтобы не висело между нами.

Андрей ничего не ответил.

— Вы вчера видели нашу фотографию. Нас снимали на открытии складского комплекса года четыре назад. У Беляева тогда была доля в соседнем проекте.

— Руденко сказал, что вы с ним иногда пересекались.

— Так и есть. Мы не друзья, но Краснодар не Москва. Люди одного уровня бизнеса всё равно пересекаются.

— У вас с ним конфликтов не было?

Ковалёв на секунду задумался.

— Были разногласия. Конфликтов — нет.

— По «Южному терминалу»?

Теперь он посмотрел внимательнее.

— Уже и название знаете.

— Мне его назвали.

— Нет. К «Южному терминалу» я отношения не имею.

— А кого из владельцев знаете?

Ковалёв взял вилку, но есть не стал.

— Беляева. Второго — Шатрова. Третьего видел пару раз, лично почти не знаком.

— Имя?

— Антон Корнеев.

Андрей почувствовал, как внутри что-то тихо щёлкнуло. Лицо он удержал.

— Антон?

— Да. А что?

— Ничего.

Ковалёв некоторое время смотрел на него.

— Вы плохо умеете говорить «ничего».

— В последнее время мне уже это сообщали.

— Корнеев вас интересуется?

Андрей не ответил сразу.

— Возможно.

— Тогда осторожнее.

— Почему?

Ковалёв положил вилку.

— Потому что он не идиот. И потому что последние года три я стараюсь не иметь с ним общих дел.

— Что за человек?

— Умный. Очень убедительный. Деньги считать умеет, людей — ещё лучше. Из тех, кто никогда не повышает голос, потому что обычно ему не приходится.

— Криминал?

Ковалёв слегка поморщился.

— Не люблю это слово. Им часто называют любого неприятного предпринимателя.

— Тогда по-другому. Он способен устроить партнёру серьёзные проблемы чужими руками?

На этот раз пауза была длинной.

— Я этого не знаю.

— Но?

— Но если завтра мне скажут, что Беляев с Корнеевым серьёзно поссорились, я не удивлюсь.

Андрей откинулся.

— Вы сказали, что третьего владельца почти не знаете.

— Почти.

— А я могу его знать?

Ковалёв пожал плечами.

— Откуда мне знать ваш круг общения?

— Логично.

— Почему спрашиваете?

Андрей посмотрел на него. Рассказывать о Голосе он не собирался.

— Просто пытаюсь понять, насколько Краснодар малень-

кий.

Ковалёв усмехнулся.

— Когда речь идёт о деньгах — очень маленький.

Вернувшись в машину, Андрей первым делом набрал в телефоне: Антон Корнеев Краснодар Южный терминал. И тут же остановился. Руденко предупреждал не смотреть фотографии перед возможным опознанием. Он закрыл поиск, не открыв ни одной ссылки. Правильно.

Ночью Голос сказал, что Андрей лично знаком с человеком, организовавшим ДТП с Беляевым. Сегодня появилось имя Антон. И один из совладельцев компании оказался Антоном Корнеевым. Очень красиво. Слишком красиво. Именно поэтому торопиться нельзя. Он мог знать десять других Антонов.

Корнеев вообще мог не иметь отношения к ДТП. А Голос отвечал на точную формулировку: знаком с человеком, который его организовал. Не обязательно с тем, кто сидел за рулём. Не обязательно с владельцем компании. Не обязательно с Антоном. Телефон зазвонил. Сафронов.

— Вы где?

— В машине.

— Один?

— Да.

— Подъезьте к нам.

— Что случилось?

— Есть человек на опознание.

Андрей замер.

— Тот мужчина с «Камри»?

— Возможно.

— Откуда?

— Андрей Викторович, приедете — объясню.

Он посмотрел на часы. До полуночи оставалось почти девять часов. Вопрос Голосу уже был потрачен ночью. Подсказки не будет. Придётся самому.

— Хорошо. Еду.

В отделе Сафронов сразу забрал телефон.

— Временно.

— Адвокат Руденко предупредил не смотреть фотографии.

— Правильно предупредил.

— Я и не смотрел.

— Отлично.

Андрея провели в небольшой кабинет. Сафронов сел напротив.

— Сначала ещё раз опишите человека, которого видели возле «Камри». Не по записи. Как помните сами.

Андрей закрыл глаза. Тёмная футболка. Джинсы. Рост примерно его или чуть ниже. Лет сорок пять. Широкое лицо. Короткие волосы. Он пытался не дорисовывать. Это оказалось трудно. За три дня лицо с видеозаписи уже смешалось в памяти с реальным.

— Цвет глаз?

— Не помню.

— Шрам?

— Не видел.

— Борода?

— Нет. Или щетина совсем небольшая. Не уверен.

— Нос?

Андрей открыл глаза.

— Обычный.

Сафронов записал.

— Хорошо.

— Нашли его?

— Нашли человека, подходящего по нескольким признакам.

— Кто?

— Сначала процедура.

Опознание оказалось куда менее киношным, чем Андрей представлял. Никакого зеркального стекла и пяти подозрительных типов, выстроенных под лампой. Ему показали несколько фотографий людей одного возраста и примерно похожей внешности. Андрей смотрел медленно. На первой — нет.

Вторая заставила задержаться. Что-то знакомое. Но не то. Третья. Он почувствовал, как напряглась спина. Мужчина смотрел прямо в камеру. Другое освещение. Другая одежда. Без движения. Андрей смотрел долго. Сафронов молчал.

— Этот, — наконец сказал Андрей.

— Уверены?

И вот здесь хотелось сказать: да. Красиво, твёрдо, без сомнений. Но Андрей заставил себя ещё раз посмотреть.

— Не на сто процентов.

— На сколько?

— Не знаю. Семьдесят? Восемьдесят?

— Чем похож?

— Лицо. Скулы. Волосы. И взгляд... хотя это уже глупость.

— Почему?

— Потому что на месте он смотрел на меня несколько секунд. Я запомнил впечатление, а не фотографию.

Сафронов кивнул.

— Правильно. Так и запишем.

— Кто он?

— Артём Селиванов.

Имя ничего Андрею не сказало.

— Чем занимается?

— Формально — индивидуальный предприниматель. Перевозки.

— Неформально?

Сафронов на секунду улыбнулся.

— Вот когда узнаем — расскажу.

— Он задержан?

— Нет.

— Тогда откуда фотография?

— Из базы.

— За что?

— Был административный материал, потом ещё несколько эпизодов. Ничего выдающегося.

Андрей встал.

— Связан с Беляевым?

— Проверяем.

— С Корнеевым?

Сафронов резко поднял глаза.

— Откуда фамилия?

Андрей понял, что попал.

— Ковалёв назвал.

— Вы всё-таки с ним встретились.

— По работе.

— Конечно.

— И действительно по работе.

Сафронов несколько секунд смотрел на него, затем вздохнул.

— Андрей Викторович, у вас удивительная способность за одни сутки оказаться знакомым со всеми людьми, которых вы хотел бы пока от вас подержать подальше.

— Сам удивляюсь.

— Что Ковалёв сказал про Корнеева?

Андрей пересказал. Сафронов слушал, не перебивая.

— Интересно, — сказал он наконец.

— То есть фамилия вам знакома.

— Она и до вас была знакома.

— И?

— И ничего.

— Сафронов...

— Не давите. Пока не могу.

Андрей поднялся. У двери капитан неожиданно спросил:

— Вы Корнеева лично знаете?

Андрей остановился. Вот он. Вопрос, к которому ночной ответ Голоса неизбежно подводил.

— Не знаю.

— В смысле?

— Фамилия мне знакомой не кажется. Но я ещё не видел фотографию.

— Не смотрите пока.

— Почему?

— Потому что если понадобится процедура, лучше не засорять память.

— Уже второй человек мне это говорит.

— Значит, иногда полезно слушать людей.

Ирина вечером открыла дверь и сразу спросила:

— Ну?

— Один человек на фотографии похож.

— Насколько?

Андрей снял обувь.

— Процентом на семьдесят-восемьдесят.

— Это много.

— Это мало, если человека потом в тюрьму отправлять.

— А кто он?

— Селиванов. Перевозки.

— И это тот, кто забрал чёрный чехол?

— Возможно.

Ирина сняла с плиты крышку.

— Ты уже разговариваешь как Сафронов.

— Плохая компания портит людей.

За ужином Андрей рассказал про Ковалёва и Антона Корнеева. Ирина слушала куда внимательнее, чем историю про оборудование за сорок восемь миллионов.

— Подожди. Голос сказал, что ты лично знаком с человеком, который организовал ДТП.

— Да.

— Беляев перед этим называет имя Антон.

— Да.

— Один из его партнёров — Антон Корнеев.

— Да.

— И ты всё ещё сидишь с таким лицом, будто ничего не произошло?

Андрей взял кусок хлеба.

— А что произошло?

Ирина раздражённо положила вилку.

— Ты издеваешься?

— Нет. Мы не знаем, что Беляев имел в виду, когда сказал «Антон». Мы не знаем, организатор ли Корнеев. И мы даже

не знаем, знаком ли я с ним.

— Посмотри фотографию.

— Нельзя.

— Почему?

Он объяснил про опознание. Ирина задумалась.

— Ладно. Тогда как узнать, знаком ты с ним или нет?

— До полуночи никак.

— А после?

Андрей посмотрел на часы. 21:18.

— После можно спросить.

— «Антон Корнеев организовал ДТП?»

— Слишком прямолинейно.

— Почему?

— Потому что ответ «нет» ничего не даст. Есть ещё сотни людей.

— А «да»?

— Тогда даст всё.

— Так спроси.

Андрей покачал головой.

— Я хочу сначала понять, знаю ли его лично. Это свяжет два независимых факта.

— Какие?

— Голос ночью сказал, что я знаком с организатором. Если после полуночи скажет, что я знаком с Корнеевым, это ещё не докажет, что Корнеев организатор. Но станет интереснее.

Ирина усмехнулась.

— Ты начинаешь пользоваться этим как следователь.

— Я пытаюсь не потратить вопрос впустую.

— А я бы спросила прямо.

— Поэтому Голос достался мне.

— Очень удобно.

Она пнула его ногой под столом. К одиннадцати Андрей уже сомневался в своей формулировке. В тетради было пять вариантов. Знаком ли я лично с Антоном Корнеевым? Слишком мало пользы. Антон Корнеев организовал ДТП с Беляевым? Слишком сильный вопрос, если Голос вообще способен знать такие вещи.

Человек, организовавший ДТП с Беляевым, — Антон Корнеев? То же самое. Связан ли Корнеев с ДТП Беляева? Слово «связан» слишком широкое. Знакомство тоже связь. Ирина читала через плечо.

— Такое ощущение, что ты налоговую декларацию составляешь.

— Теперь я понимаю, почему юристы получают деньги за каждое слово.

В 23:56 Андрей вдруг закрыл тетрадь.

— Не буду спрашивать про Корнеева.

— Почему?

— Потому что есть вопрос важнее.

— Какой?

Он посмотрел на неё. Сегодня утром неизвестные напи-

сали: Если вас будут спрашивать, вы его не рассмотрели. Сафронов нашёл Селиванова. Беляев пришёл в сознание. Ковалёв появился в его обычной деловой жизни. Корнеев возник как возможное имя. Но всё это были детали.

Главное оставалось другим.

— Они знают, где ты работаешь. Знают мою машину. Дом. Следят. Я хочу понимать, продолжится ли это.

— Ты уже спрашивал про физический вред.

— Теперь не про вред.

Он открыл тетрадь и написал:

«Предпримут ли в течение следующих суток люди, связанные с ДТП Беляева, какие-либо действия с целью заставить меня изменить показания, отказаться от опознания или прекратить общение с полицией?»»

Ирина прочитала.

— Длинно.

— Зато точно.

— Почти договор ипотеки.

00:00. Андрей подождал ещё несколько секунд. Потом сосредоточился.

— Предпримут?

Голос ответил сразу:

— Да.

Ирина увидела его лицо.

— Что?

— Да.

Она помолчала.

— Физически?

— Не спрашивал.

— Чёрт.

Андрей записал ответ и время.

— Теперь до завтра всё.

Телефон лежал на столе между ними. Они оба смотрели на него. Минуту. Две. Пять. Ничего. Ирина первой не выдержала:

— Может, это вообще завтра вечером будет.

— Может.

— Не люблю это слово.

— Добро пожаловать в семью Сафронова.

Она фыркнула. В 00:11 телефон Андрея всё-таки завибрировал. Но номер был знакомый. Лена. Андрей сразу ответил.

— Лена?

В трубке она дышала часто, словно только что бежала.

— Андрей Викторович, простите, что ночью...

— Что случилось?

— Я домой приехала, а у двери конверт.

Он медленно выпрямился. Ирина уже смотрела на него.

— Не открывай.

— Я уже.

— Что там?

Лена замолчала.

— Лена?

— Фотография.

— Какая?

— Ваша.

Андрей встал.

— Моя?

— Да. Вы сегодня сидите в ресторане с каким-то мужчиной.

Ковалёв. У Андрея пересохло во рту.

— На обороте что-нибудь написано?

— Есть.

— Прочитай.

Лена нервно сглотнула.

— «Своим любопытством он подставляет не только себя».

Ирина закрыла глаза. Андрей несколько секунд ничего не говорил. Потом спросил:

— Лена, дверь закрыта?

— Да.

— Одна?

— Да.

— Никому не открывай. Я сейчас позвоню в полицию.

— Андрей Викторович, что вообще происходит?

Он посмотрел на Ирину. Голос ответил правильно. Действия будут. Только Андрей опять додумал за него то, чего в вопросе не было. Он ожидал, что давить станут непосредственно на него или Ирину. Люди по ту сторону выбрали сле-

дующего человека, который стоял рядом.

— Лена, — сказал он уже спокойнее, — я тебе всё объясню. Сейчас главное — закройся и никуда не выходи.

Он закончил разговор и сразу набрал Сафронова. Ирина тихо сказала:

— Теперь понятно, что им нужно.

Андрей посмотрел на неё.

— Что?

— Не запись.

Она кивнула на телефон.

— Тишина.

Глава 5. Чужие люди

Сафронов ответил не сразу. Гудки шли один за другим, и Андрей уже собирался сбросить и набрать 112, когда в трубке раздалось сонное:

— Да.

— Сафронов, это Андрей.

Пауза длилась меньше секунды. Голос капитана изменился.

— Что случилось?

Андрей коротко рассказал про звонок Лены, фотографию и надпись на обороте.

— Адрес её знаете?

— Да.

— Диктуйте.

Сафронов записал.

— Сами туда не едьте.

— Почему?

— Потому что вы сейчас на эмоциях, ночь, и мы не знаем, кто оставил конверт и находится ли он ещё рядом.

— Она одна.

— Патруль отправлю.

Андрей прошёлся по кухне.

— Сколько ждать?

— Не знаю. Зависит от экипажа.

— Очень успокаивает.

— Андрей Викторович, ещё раз: сами не едите. Позвоните ей и оставайтесь на связи.

— Хорошо.

— Конверт пусть больше не трогает.

— Уже потрогала.

— Тогда хотя бы не выбрасывает.

Ирина сидела за столом, поджав одну ногу под себя. На лице уже не было ни сна, ни раздражения — только сосредоточенность. Когда Андрей закончил разговор, она спросила:

— Что сказал?

— Патруль отправит.

— А мы?

— Не едем.

— И ты реально не поедешь?

Андрей посмотрел на неё.

— Очень хочется.

— Но?

— Но если я сейчас сорвусь, то сделаю ровно то, чего от меня добиваются: начну метаться из-за каждого конверта.

Ирина кивнула.

— Значит, хоть чему-то учимся.

Он снова набрал Лену. Она ответила сразу.

— Я здесь.

— Полиция едет. Ты дверь никому не открывай, пока не представятся и не покажут документы.

— Хорошо.

— Фото ещё раз не трогай.

— Я поняла.

Голос у неё дрожал меньше, чем минуту назад.

— Андрей Викторович...

— Да?

— Это из-за вашей аварии?

— Да.

— Я вообще ничего не знаю.

— Я знаю.

— Тогда зачем ко мне?

Вот на этот вопрос хорошего ответа не было.

— Потому что хотят на меня давить.

— Через меня?

— Похоже.

Лена помолчала.

— Отлично.

— Лен...

— Нет, я не в претензии. Просто у меня очень удачная работа.

Андрей невольно улыбнулся.

— Зарплату попросишь завтра.

— Теперь минимум в два раза.

— Обсудим.

— Вот видите, даже шутить могу.

Это было хорошо. Он говорил с ней ещё несколько минут,

пока она не сказала:

— Кажется, приехали.

На фоне послышался звонок в дверь.

— Не открывай сразу. Спроси фамилию.

— Уже.

Через несколько секунд она сказала:

— Полиция.

— перезвони мне потом.

— Хорошо.

Связь оборвалась. Андрей положил телефон. Ирина посмотрела на часы.

— Половина первого.

— Угу.

— Спать будем?

— Нет.

— Я так и думала.

Через сорок минут Лена перезвонила. Полицейские забрали конверт и фотографию, осмотрели подъезд и камеры. Одна камера на входе работала, вторая, как обычно бывает в самый нужный момент, уже несколько дней показывала только чёрный экран.

— На первой что-то есть? — спросил Андрей.

— Сказали, посмотрят. Там человек в капюшоне.

— Мужчина?

— Вроде.

— Он за тобой шёл?

— Не знаю. Я приехала где-то в одиннадцать сорок. Конверт уже лежал.

— Ты сегодня за собой ничего не замечала?

— Нет.

— Машину?

— Андрей Викторович, я на общественном транспорте езжу. За мной может пол-Краснодара ехать.

— Точно.

— Полиция сказала, что можно спать.

— Тогда спи.

— А вы?

— А я буду делать вид.

Лена вздохнула.

— Вы тоже постарайтесь.

После звонка Андрей ещё долго сидел на кухне. Голос уже ответил на сегодняшний вопрос. Нового спросить нельзя. Это раздражало особенно сильно. Он впервые по-настоящему понял, насколько странно иметь инструмент, который способен дать почти любой нужный ответ, но только один раз в сутки.

Когда опасность абстрактная, можно часами оттачивать формулировку. Когда звонит испуганная сотрудница, хочется спросить только одно: Кто это сделал? И получить имя. Но до следующей полуночи оставалось почти двадцать четыре часа. И ещё впервые Андрей почувствовал неприятную ответственность не только за себя.

Пока неизвестные писали ему, следили за машиной, фотографировали у заправки, всё это можно было воспринимать как собственную проблему. Неприятную, опасную, но свою.

Теперь круг расширился. Ирина. Лена. Люди, которые утром придут в офис и будут заниматься счетами, насосами, доставками, даже не подозревая, что кто-то уже смотрит на них как на удобный способ добраться до Андрея. Эта мысль была хуже очередного сообщения с неизвестного номера.

Ирина положила ладонь ему на плечо.

— Пойдём.

— Сейчас.

— Ты ничего больше не решишь.

— Знаю.

— Тогда зачем сидеть?

Андрей посмотрел на неё.

— Потому что если лягу, начну думать лёжа.

— Разница огромная.

Она потянула его за руку.

— Пошли.

Утром Лена приехала в офис раньше Андрея. Когда он вошёл, она уже разговаривала с кем-то по телефону, одновременно печатая письмо. Выглядела нормально. Только глаза чуть красные. Андрей остановился возле её стола.

— Ты зачем вообще сегодня приехала?

Она прикрыла трубку.

— А что, выходной дали?

— Могла дома остаться.

— И что бы я там делала?

— Отдыхала.

— Я бы сидела и смотрела на дверь. Здесь хоть люди.

Ответ прозвучал просто, без жалобы. Именно поэтому Андрею стало ещё неприятнее.

— Если захочешь сегодня раньше уйти — уходи.

— Я вчера домой раньше ушла. Очень удачно получилось.

— Лен.

Она посмотрела на него и смягчилась.

— Всё нормально. Правда. Только если ещё раз кто-нибудь принесёт мою фотографию, тогда я уже официально потребую повышение.

— Договорились.

— Вот. Теперь можно работать.

Она снова вернулась к разговору:

— Нет, Алексей Петрович, я понимаю, что у вас новый прайс. Но счёт вы нам выставили десять дней назад. Мы его согласовали. Поэтому либо отгружайте по нему, либо я сейчас снимаю заказ.

Андрей прошёл в кабинет. Через пару минут Лена появилась в дверях.

— Согласились.

— Я и не сомневался.

— И ещё. Сафронов звонил.

— Мне?

— Сказал, чтобы вы ему перезвонили.

Андрей набрал сразу.

— Доброе утро.

— Доброе. По Лене есть кое-что.

— Камера?

— Да. Человек зашёл в подъезд примерно за сорок минут до её возвращения.

— Лицо видно?

— Плохо. Кепка, капюшон.

— Один?

— Один.

— На машине?

— Машины в кадре нет.

— И?

Сафронов замолчал.

— Есть ещё момент. Он попал на соседнюю камеру.

— Уже лучше.

— Там видно, что до подъезда его довезла белая «Лада Веста».

— Номер?

— Видно.

— Настоящий?

— Настоящий.

Андрей почувствовал первый за несколько дней проблеск удовлетворения.

— Ну наконец-то.

— Не радуйтесь заранее. Машина зарегистрирована на женщину шестидесяти четырёх лет.

— Сын?

— Проверяем.

— А водитель?

— По камере мужчина.

— Лицо?

— Частично.

— Селиванов?

Сафронов помолчал.

— Не он.

— Уверены?

— По комплекции и возрасту не похож.

— Значит, ещё один.

— Возможно.

— Опять это слово.

— Оно вам скоро понравится.

Андрей постучал пальцами по столу.

— Сафронов, скажите честно. Они что, реально целую бригаду вокруг меня крутят?

— Не обязательно. У вас уже минимум два эпизода, в которых могли участвовать разные люди. Серая машина, фотограф на заправке, конверты. Это может быть несколько человек. Может быть один круг знакомых. Пока рано считать.

— А мне кажется, начинает становиться многовато для

одной видеозаписи.

— И мне.

Эта короткая фраза прозвучала важнее всего остального.

— Что изменилось?

— Пока ничего, что я могу вам сказать.

— Очень удобно.

— Работа такая.

— Да-да, уже слышал.

Сафронов выдержал паузу.

— Сегодня постарайтесь не ездить один поздно вечером.

— Голос...

Андрей снова остановился.

— Что?

— Ничего. Хорошо.

— И Лена пусть несколько дней не возвращается домой одна.

— Сделаем.

Он положил трубку и несколько секунд сидел неподвижно. Потом вышел к Лене.

— Сегодня домой одна не едешь.

Она оторвалась от монитора.

— Это приказ?

— Да.

— Тогда оплачиваем такси?

— Я сам отвезу или Миша.

Лена посмотрела на него.

— Андрей Викторович, я взрослая женщина.

— А мне пятьдесят два. Сафронов всё равно командует мной как ребёнком. Потерпишь.

Она секунду помолчала, потом кивнула.

— Хорошо. Только без геройства. Если увидите у подъезда человека в капюшоне, домой к нему знакомиться не идём.

— Кто из нас начальник?

— Сегодня непонятно.

Ковалёв позвонил ближе к десяти.

— Не разбудил?

— Я давно в офисе.

— Хорошая привычка. По линии сможете завтра утром?

— Куда ехать?

— Я пришлю адрес. Адыгея, недалеко.

— Кто ещё будет?

— Мой главный инженер, электрик и представитель про-
давца.

— Павел?

— Нет.

В голосе Ковалёва мелькнуло что-то похожее на смех.

— Его я в эту историю больше не пускаю.

— Разумно.

— Вам понадобится часа четыре-пять.

— Хорошо.

Ковалёв уже собирался отключиться, но Андрей спросил:

— Виктор Михайлович, про Корнеева.

— Слушаю.

— Вы сказали, что стараетесь с ним не иметь дел. Почему?
На том конце стало тихо.

— Вопрос по работе или из любопытства?

— Второе.

— Тогда лучше оставьте.

— Почему?

— Потому что любопытство иногда слишком дорого стоит.

Андрей невольно усмехнулся.

— Мне эту мысль в последнее время сообщают регулярно.

— Значит, стоит задуматься.

— Всё-таки что с ним?

Ковалёв вздохнул.

— Андрей Викторович, я не хочу рассказывать чужие истории по телефону. Тем более те, в которых сам не участвовал.

— Но мнение у вас есть.

— Конечно.

— Плохое?

— Осторожное.

— Это дипломатическая формулировка?

— Очень.

Андрей откинулся в кресле.

— Вы его опасаетесь?

На этот раз пауза оказалась длиннее.

— Я предпочитаю не давать людям поводов становиться моими врагами.

— А он может?

— Каждый может.

— Вы поняли, о чём я.

Ковалёв ответил уже без улыбки:

— Понял. Да, с Корнеевым я бы не стал играть в проверку нервов.

После звонка Андрей минуту смотрел в окно. Ничего конкретного. Но чем больше вокруг Корнеева появлялось осторожных формулировок, тем сильнее хотелось увидеть его лицо. И именно этого делать было нельзя. Около одиннадцати в офис зашёл Миша.

— Есть пять минут?

— Если не про «Газель».

— Как раз про неё.

— Тогда три.

Миша сел.

— ТНВД, похоже.

Андрей поморщился.

— Точно?

— Нет. Но симптомы похожи.

— Сколько?

— Если ремонт — тысяч семьдесят-восемьдесят. Если новый...

— Не говори.

— Я и не собирался.

Андрей потёр лицо.

— Давай сначала нормальную диагностику.

— Я уже записал на завтра.

— Вот зачем ты спрашивал?

— Чтобы ты чувствовал участие в управлении компанией.

— Спасибо.

Миша встал, но у двери остановился.

— Слушай, а у вас тут что происходит?

— В каком смысле?

— Лена сегодня какая-то дёрганая. Ты последние дни по сторонам смотришь. Вчера возле офиса машина какая-то два раза крутилась.

Андрей сразу поднял голову.

— Какая?

— Белая «Веста».

Он замер.

— Номер видел?

— Нет. А надо было?

— Когда?

— Вчера днём. Один раз часов в двенадцать, второй ближе к четырём.

— Стояла?

— Проехала медленно. Я ещё подумал, ищут адрес.

Андрей уже доставал телефон.

— Почему не сказал?

Миша пожал плечами.

— А я должен докладывать про каждую «Ладу»?

— Нет. Теперь, если увидишь ещё раз, сфотографируй.

Миша прищурился.

— Андрей, это серьёзно?

— Похоже.

— Что случилось?

Несколько секунд Андрей думал, сколько говорить. Потом рассказал коротко: авария, запись, неизвестные, давление. Миша слушал молча. Когда Андрей закончил, он почесал подбородок.

— И ты всё это время молчишь?

— А что я должен был, собрание проводить?

— Ну хотя бы мне сказать.

— Зачем?

— Затем, что я тоже тут хожу.

Это прозвучало почти теми же словами, что сказала Лена ночью. Андрей почувствовал неприятный укол. Он действительно всё время думал о тех, кого уже задело: Ирина, Лена. Но рядом были ещё люди. Миша. Остальные сотрудники. Клиенты, которые приезжали в офис. Люди, для которых его история пока выглядела просто как странное настроение начальника.

— Хорошо, — сказал Андрей. — Если заметишь что-то странное, сразу звони. Никуда сам не лезь.

Миша усмехнулся.

— А ты?

— Я тоже.

— Врёшь.

— Немного.

— Я так и понял.

Миша уже взялся за ручку двери, но Андрей остановил:

— И ещё. Сегодня Лену домой отвези, если я не успею.

— Без проблем.

— Только не надо изображать охрану президента. Просто доведи до подъезда и убедись, что вошла.

— А мигалку можно?

— Иди отсюда.

Миша усмехнулся и вышел. Андрей некоторое время смотрел ему вслед. Вот это и было самым неприятным. Ещё три дня назад его фирма казалась отдельной, понятной частью жизни. Люди приходили утром, ругались с поставщиками, ремонтировали насосы, ездили по объектам.

Теперь чужая история просачивалась сюда через окна, машины и конверты. И остановить её дверью офиса уже не получалось. Белую «Весту» нашли быстро. Сафронов перезвонил через час.

— Машина зарегистрирована на Галину Сергеевну Воронцову.

— И?

— Пенсионерка. Машиной пользуется сын.

— Имя?

— Денис Воронцов. Тридцать восемь лет.

— Знаком мне?

— Откуда я знаю?

— Фото можно?

— Пока нет.

— Опять опознание?

— Возможно.

Андрей усмехнулся.

— Вы специально.

— Уже немного.

— Он связан с Селивановым?

— Да.

Вот это было новое.

— Как?

— Работали вместе несколько лет назад в одной транспортно-портной компании.

— Какой?

— «ЮгТрансЛайн».

Название Андрею ничего не сказало.

— А с Беляевым?

— Прямой связи пока не нашли.

— С Корнеевым?

Пауза.

— Проверяем.

— Значит, что-то есть.

— Андрей Викторович...

— Я понял. Работа такая.

Сафронов вздохнул.

— И ещё. Селиванов вчера вечером уехал из города.

— Куда?

— Не знаем.

— После того как вы его нашли?

— Мы его не задерживали.

— Но интересовались.

— Да.

— И он тут же уехал.

— Может быть совпадение.

— Конечно.

— Я серьёзно.

— Я тоже.

Андрей отключился. Теперь стало тревожнее. Селиванов, которого он с вероятностью семьдесят-восемьдесят процентов опознал как человека у «Камри», исчез. Воронцов, связанный с ним по старой работе, привёз кого-то к дому Лены. Это уже переставало выглядеть как случайный набор людей.

Руденко позвонил после обеда.

— Беляев сегодня говорил больше.

— И?

— Назвал фамилию.

Андрей перестал читать письмо на мониторе.

— Корнеев?

Руденко помолчал.

— Да.

Внутри всё стало очень тихо.

— Что именно сказал?

— Пока фрагментарно. «Антон», потом «Корнеев». Ещё сказал: «Не доверять».

— Кому не доверять?

— Неясно.

— Корнееву?

— Возможно.

— Или кому-то другому.

— Именно.

Андрей встал и подошёл к окну.

— Вы уже сообщили полиции?

— Конечно.

— А он сказал, кто организовал ДТП?

— Нет.

— Про телефон?

— Сказал, что там были переписки и аудиозаписи.

— Какие?

— Не уточнил. Он быстро устаёт.

— А флешка?

— Резервная копия части материалов.

— То есть тот чёрный чехол действительно важен.

— Очень.

— И если его забрали, у них теперь всё?

Руденко неожиданно ответил:

— Не думаю.

— Почему?

— Потому что Беляев не был идиотом. Если он собирал что-то настолько чувствительное, вряд ли держал единственную копию в машине.

— Логично.

— Но это уже предположение.

Андрей посмотрел на парковку.

— Евгений, а если у них телефон и флешка, зачем им вообще я?

— Потому что вы можете связать конкретного человека с местом ДТП.

— Селиванова?

На том конце возникла пауза.

— Откуда имя?

— Полиция показала фото.

— Вы его опознали?

— Неуверенно.

— Тогда пока не произносите это имя лишний раз.

— Уже поздно. Я вам сказал.

— Мне можно.

— Очень скромно.

Руденко не отреагировал.

— Если Селиванов действительно был у машины, он может вывести на тех, кто забрал материалы. Поэтому ваше

свидетельство им и мешает.

— А Корнеев?

— Пока я ничего не утверждаю.

— Но Беляев назвал его.

— Назвал.

— И что вы думаете?

— Думаю, что если бы всё было настолько просто, Корнеев уже сидел бы в отделе.

— То есть?

— То есть человек редко приходит в себя после тяжёлого ДТП и одним словом выдаёт готовую схему того, что произошло.

Андрей усмехнулся.

— Наконец-то хоть кто-то говорит разумные вещи.

— Я стараюсь.

После четырёх Андрей почувствовал, что устал. Не физически. От постоянного ожидания. Каждый звонок мог оказаться новым человеком, новой угрозой или новой фамилией. Он несколько минут сидел, глядя на закрытый ноутбук, и вдруг понял, что за день почти ничего не сделал из того, ради чего вообще приехал в офис.

На столе лежали счета. В почте висел запрос клиента. Миша ждал решения по «Газели». Завтра нужно было ехать с Ковалёвым смотреть линию. Обычная работа никуда не делась. Она просто теперь всё время проигрывала очередному звонку. Андрею это не понравилось. Именно этого, возмож-

но, от него и добивались: чтобы он перестал жить своей жизнью и начал только реагировать.

Он открыл ноутбук, ответил на два письма, согласовал платёж и только после этого решил пройтись до автомата с кофе в соседнем здании. Просто чтобы несколько минут не сидеть в кабинете. На выходе Миша кивнул на улицу.

— Твоя белая «Веста».

Андрей остановился. Машина стояла через дорогу, метрах в шестидесяти. Белая. Номер отсюда не разобрать. За рулём кто-то сидел.

— Телефон, — сказал Андрей.

Миша уже снимал.

— Есть.

— Номер приблизь.

— Сейчас.

Андрей не пошёл к машине. Хотя очень хотелось. Вместо этого вернулся внутрь и позвонил Сафронову.

— Она здесь.

— Кто?

— Белая «Веста».

— Номер?

Миша продиктовал. Сафронов выругался.

— Та же.

— Что делать?

— Ничего. Не выходите. Экипаж отправляю.

— Она стоит прямо напротив офиса.

— Андрей Викторович, я услышал.

Андрей встал у окна, но так, чтобы не торчать в проёме.
«Веста» простояла ещё минуты три. Потом тронулась.

— Уезжает, — сказал Миша.

— Снимай.

Машина повернула направо и исчезла. Экипаж приехал минут через десять. Поздно. Сафронов перезвонил почти сразу:

— В сторону выезда пошла. Камеры смотрим.

— Они даже не прячутся.

— Возможно, и не собираются.

— Зачем тогда приезжать?

— Чтобы вы знали, что за вами наблюдают.

Андрей посмотрел на пустую дорогу.

— То есть просто давление.

— Похоже.

— Очень тонкое.

— Работает?

Андрей подумал.

— Да.

— Значит, достаточно тонкое.

После разговора Андрей ещё несколько секунд смотрел на дорогу. Потом повернулся к Мише.

— Лену сегодня точно отвезёшь.

— Уже договорился.

— Она согласилась?

— Нет. Поэтому договорился я.

Андрей усмехнулся.

— Начинаешь быстро расти как руководитель.

— Зарплата тоже будет расти?

— Иди работай.

Ирина вечером встретила его вопросом:

— На этот раз кого фотографировали?

Андрей снял куртку.

— Пока только офис.

— Прогресс.

Он рассказал про «Весту», Воронцова, связь с Селивановым и слова Беляева. Ирина слушала, нарезая овощи.

— Значит, всё-таки Корнеев.

— Не значит.

— Андрей, ну сколько можно? Беляев называет Антона. Потом фамилию Корнеев. Голос говорит, что ты знаком с организатором. У Корнеева доля в компании.

— И?

— Ты реально не видишь?

— Вижу. Поэтому и не хочу прыгать на первый очевидный вывод.

Она положила нож.

— Хорошо. Тогда другой вопрос. Ты его знаешь?

Андрей пожал плечами.

— До сих пор не знаю.

— Как это возможно?

— Очень просто. Я не видел фотографию.

— А фамилия вообще ничего не говорит?

— Нет.

— Может, встречался с ним под другой фамилией?

— Возможно.

— Ты тоже заразился.

— Да.

Ирина села напротив.

— Какой сегодня вопрос Голосу?

Андрей посмотрел на часы. До полуночи оставалось почти четыре часа.

— Пока не решил.

— А что решать? Спроси про Корнеева.

— «Организовал ли Корнеев ДТП с Беляевым»?

— Да.

— Если ответит «да» — отлично. Если «нет» — мы потеем вопрос.

— Зато исключим главного подозреваемого.

— Не исключим. Он может быть связан с этим, но не организовывать лично.

— Господи, это уже паранойя формулировок.

— После ста тысяч вместо трёх миллионов семисот у меня уважение к формулировкам.

Ирина улыбнулась.

— Ладно. Тогда что хочешь спросить?

Андрей открыл тетрадь. На новой странице уже было

несколько вариантов.

«Человек, организовавший ДТП с Беляевым, — Антон Корнеев?»

«Антон Корнеев непосредственно участвовал в организации ДТП с Беляевым?»

«Знаком ли я лично с Антоном Корнеевым?»

Последний вопрос казался самым слабым, но именно он почему-то не давал покоя. Если Голос ответит «нет», Корнеев почти наверняка не тот человек, о котором шла речь вчера. Если «да» — появится очень неприятное совпадение. Ирина ткнула пальцем в строку.

— Вот этот.

— Почему?

— Потому что его можно проверить потом и без Голоса. А пока он связывает твою жизнь с этой историей.

Андрей посмотрел на неё.

— Ты только что сказала ровно то, о чём я думаю.

— Видишь. Секс с умной женщиной развивает.

— Значит, надо чаще.

— Не злоупотребляй научным методом.

В 23:58 они сидели на кухне. Андрей уже окончательно выбрал вопрос. Не про опасность. Не про Селиванова. Не про то, кто придёт завтра. Одна короткая проверка. В 00:00 он подождал ещё секунд десять и намеренно обратился к Голосу:

— Я лично знаком с Антоном Корнеевым?

— Да.

Андрей замер. Ирина увидела его лицо.

— Да?

Он медленно кивнул.

— Да.

— Значит...

— Ничего пока не значит.

— Андрей.

— Нет, серьёзно. Мы знаем только, что я его когда-то встречал.

— И что Голос вчера сказал: ты знаком с человеком, который организовал ДТП.

— Да.

— И Беляев назвал Корнеева.

— Да.

— И тебе всё ещё мало?

Андрей закрыл тетрадь.

— Мне достаточно, чтобы начать вспоминать. Но недостаточно, чтобы назначить человеку статью.

Телефон завибрировал. Новое сообщение. Неизвестный номер. Они оба посмотрели. Андрей открыл. Текста не было. Только фотография. Старая. Снятая явно несколько лет назад. На ней Андрей стоял за столом в каком-то ресторане рядом с тремя мужчинами. Один был ему знаком — бывший поставщик из Ростова. Второго Андрей тоже вспомнил через секунду.

Третьего — нет. Под фотографией пришло ещё одно сообщение:

«Теперь вспомнили?»

Ирина придвинулась ближе.

— Кто это?

Андрей увеличил изображение. Мужчина справа. Лет на десять моложе, чем должен выглядеть сейчас. Тёмные волосы, спокойное лицо, лёгкая улыбка. И вдруг память вернула вечер целиком. Ростов. Ресторан при гостинице. Переговоры по поставке оборудования. Человек, которого привёл партнёр заказчика.

Антон. Он тогда почти весь вечер молчал, а под конец задал Андрею несколько очень точных вопросов про задолженность одного клиента. Фамилию Андрей забыл через неделю. Лицо — тоже.

Теперь вспомнил.

— Корнеев, — сказал он.

Ирина посмотрела на него.

— Точно?

Андрей не ответил сразу. Потом кивнул.

— Да. Это он.

Следующее сообщение пришло почти мгновенно: «Вы его знаете. Он знает вас. Не делайте вид, что оказались в этой истории случайно». Андрей перечитал. Вот это было уже другое. Не угроза. Не просьба забыть лицо. Кто-то пытался убедить его, что между ним и Корнеевым существует связь, ко-

торой Андрей сам не помнит.

И именно это впервые за последние дни испугало его сильнее фотографий, машин и конвертов. Потому что если отправитель не врал, то его появление на том перекрёстке могло оказаться не такой уж случайностью, как Андрей считал с самого начала.

Глава 6. Сорок восемь миллионов

Утром Андрей проснулся с совершенно ясным ощущением, что за последние несколько дней в его жизни стало слишком много людей, которые знают о нём больше, чем он о них. Телефон лежал на тумбочке экраном вниз. Он несколько секунд смотрел на него, потом всё-таки взял и снова открыл присланную ночью фотографию.

Ростов. Ресторан. Кажется, гостиница возле аэропорта. Сам Андрей лет на шесть моложе, килограммов на семь тяжелее и с той короткой стрижкой, которую Ирина, однажды увидев старые фотографии, назвала «директор колхоза на юбилее района». Рядом двое знакомых мужчин и Антон Корнеев.

Теперь лицо действительно вспоминалось. Не само по себе — так Андрей, скорее всего, и прошёл бы мимо него на улице, — а вместе с обстоятельствами того вечера. Большой заказ. Переговоры. Спор из-за оборудования. Покупатель торопился закрыть сделку до конца квартала и хотел подписать акт приёмки до того, как устранят замечания.

Андрей отказался. Кажется, Корнеев тогда почти не спорил. Сидел, слушал, один раз спросил:

— Вам действительно принципиальна именно дата?

— Мне принципиально не подписывать, что оборудование принято без замечаний, если оно не принято без заме-

чаний.

— Даже если замечания потом устроят?

— Вот потом и подпишем.

Разговор длился минут пять. Ничего особенного. По крайней мере, так Андрей помнил сейчас. Ирина заворочалась рядом, протянула руку и, не открывая глаз, забрала у него телефон.

— Ты ненормальный.

— Доброе утро.

— Сколько времени?

— Семь десять.

— Тем более ненормальный.

Она положила телефон себе на живот, снова закрыла глаза и через несколько секунд спросила:

— Корнеев?

— Он.

— Вспомнил что-нибудь ещё?

— Старую сделку. Они хотели акт задним числом закрыть.

— И ты не подписал?

— Нет.

— Много денег было?

— Уже не помню. Заказ большой.

Ирина открыла один глаз.

— А человек, которому ты тогда помешал заработать несколько миллионов, через шесть лет случайно оказывается

партнёром мужчины, вокруг ДТП которого теперь творится вся эта история.

— Вот именно. Слишком красиво.

— И тебе всё равно кажется, что это может быть совпадением?

Андрей забрал телефон.

— Именно потому, что всё выглядит слишком красиво, я и не хочу сразу верить.

— Опять твоя теория про первый очевидный вывод?

— Она пока ни разу мне не навредила.

— Кроме того, что ты второй день не можешь нормально поспать.

Ирина подтянула к подбородку одеяло.

— Ты сегодня куда?

— С Ковалёвым в Адыгею. Смотреть линию за сорок восемь миллионов.

— А вечером?

— Если не куплю её себе — приеду.

— Купи. Поставим на балконе.

— Не влезет.

— Тогда не надо.

Она снова закрыла глаза. Андрей уже собирался вставать, когда Ирина сказала:

— Только давай сегодня хотя бы несколько часов проживём без Беляева, Корнеева, Селиванова и всех остальных.

— Я постараюсь.

— Нет. Ты не понял. Я серьёзно.

Он повернулся. Ирина смотрела на него уже совершенно проснувшимися глазами.

— Ты за пять дней превратил свою жизнь в одну большую аварию. У тебя вообще-то есть работа. Есть я. Есть люди, которые тебе должны деньги. Есть твоя старая машина со сколом, который ты год собираешься сделать...

— Три недели.

— Какая разница? Короче, есть жизнь. Не отдавай её всю этим людям.

Андрей несколько секунд молчал.

— Вот за это я тебя и люблю.

Ирина приподняла бровь. Он сам удивился тому, насколько легко вылетело последнее слово. Обычно они этого друг другу не говорили. Во всяком случае, вот так — утром, между одеялом и зубной щёткой. Ирина тоже не стала превращать это в событие. Только уголок рта дрогнул.

— Очень хорошо. Тогда люби меня вечером. А сейчас дай поспать ещё двадцать минут.

Ковалёв приехал сам. Не водитель, не помощник, не дорожкой внедорожник с тонированными стёклами. Обычный тёмный «Лексус» лет пяти-шести. Андрей сел рядом.

— Доброе утро.

— Доброе. Кофе будете?

В подстаканниках стояли два бумажных стакана.

— Если без сахара.

— Я тоже с сахаром не пью.

Андрей взял стакан.

— Уже есть общее.

— Для совместного бизнеса пока маловато.

Ковалёв выехал на дорогу. Водил он спокойно, без привычного для некоторых состоятельных мужчин желания доказать окружающим, что восемь цилиндров дают преимущество не только в мощности, но и в правах. Несколько минут говорили о линии. Производство находилось километрах в шестидесяти от Краснодара. Небольшой завод по разливу напитков. Собственник собирался продавать площадку отдельно, оборудование — отдельно. Линии девять лет, последние полтора года работала нерегулярно.

— Почему продают? — спросил Андрей.

— Официально — владельцы разошлись во взглядах.

— А неофициально?

— Деньги закончились.

— Уже понятнее.

— Владелец утверждает, что линия в прекрасном состоянии.

— Конечно.

— И что за сорок восемь миллионов такую больше не купить.

— Тоже конечно.

Ковалёв улыбнулся.

— Вот поэтому вы со мной и едете.

За городом движение стало свободнее. Андрей пил кофе и смотрел на поля за окном. Последние дни он почти не выезжал из города и только сейчас почувствовал, насколько устал от светофоров, парковок, телефонов и постоянного ожидания очередного сообщения. Ковалёв некоторое время молчал, потом сказал:

— Павел вчера звонил.

— Мне тоже.

— Просил не считать его идиотом.

Андрей рассмеялся.

— И как?

— Я сказал, что постараюсь.

— Добрый вы человек.

— Он не плохой. Он жадный и торопливый. Это иногда хуже.

Андрей покрутил стакан в руке.

— Вы Корнеева давно знаете?

Ковалёв посмотрел на дорогу.

— Вы обещали себе сегодня этим не заниматься?

Андрей повернул голову.

— Откуда знаете?

— По лицу видно.

— Тогда последний вопрос.

— Не верю, но задавайте.

— Вы были в курсе той ростовской сделки, где я с ним познакомился?

Ковалёв нахмурился.

— Какой именно?

Андрей кратко напомнил. Через несколько секунд Ковалёв кивнул.

— Теперь вспомнил. Там ещё насосная станция не вышла на параметры?

— Да.

— Корнеев тогда был со стороны инвестора.

— Насколько серьёзная была проблема?

— Для вас?

— Для него.

Ковалёв пожал плечами.

— Неприятная, но не смертельная. Из-за отказа подписать акт им пришлось переносить закрытие сделки. Кто-то потерял премию, кто-то проценты, кажется, ещё банковское финансирование на следующий квартал уехало.

— Миллионы?

— Возможно. Но не те миллионы, из-за которых шесть лет спустя устраивают сложную историю вокруг человека, случайно оказавшегося рядом.

Андрей посмотрел на него.

— Я примерно так и думаю.

— И правильно.

— Корнеев меня мог запомнить?

— Мог.

— Почему?

Ковалёв усмехнулся.

— Потому что большинство поставщиков в такой ситуации подписало бы.

— А я герой?

— Нет. Вы просто тогда ещё могли позволить себе сказать «нет».

Фраза попала неприятно точно. Андрей отвернулся к окну. Когда-то мог. Сейчас тоже мог, но каждое такое «нет» уже приходилось считать. Раньше отказ от сомнительной сделки означал, что на следующей неделе будет другая. Теперь иногда означал, что придётся ещё раз объяснять поставщику, почему платёж задержится на два дня, а самому себе — почему старую машину пока действительно можно не менять.

И всё же он предпочитал именно это. Считать последствия собственного «нет», а не разгребать последствия чужого «да». Завод оказался меньше, чем Андрей представлял по фотографиям. Два производственных корпуса, склад, административное здание и площадка, на которой ржавели несколько металлических ёмкостей.

Их встретили представитель собственника, главный инженер Ковалёва и электрик. Имен Андрей специально не упоминал. Если сделка состоится — познакомятся нормально. Сначала прошли вдоль линии. Бутылки должны были подаваться на ополаскивание, затем розлив, укупорку, этикетировку и упаковку. Всё соединяли конвейеры. Отдельно

стояли насосная группа, подготовка воды и моющая станция.

На первый взгляд оборудование действительно выглядело неплохо. Чисто. Свежая краска на части рам. Нержавейка отполирована. Андрей несколько раз присел, посмотрел снизу, провёл пальцем по внутренней стороне опоры. Представитель продавца заметил:

— Перед продажей всё полностью обслужили.

Андрей показал палец. На нём осталась густая чёрная смазка с металлической пылью.

— Вижу.

Мужчина немного обиделся.

— Это рабочее оборудование.

— Именно поэтому и смотрю.

Через сорок минут внешняя картинка уже выглядела менее красиво. Два двигателя менялись и стояли нештатные. На одном насосе подтекало уплотнение. Несколько подшипниковых узлов имели явные следы недавней набивки смазкой — слишком много, словно кто-то пытался заглушить шум перед осмотром.

Электрик Ковалёва нашёл ошибки в шкафах.

— Это они сами переделывали?

Представитель продавца пожал плечами.

— Модернизировали.

— Кто?

— Подрядчик.

— Документы есть?

— Должны быть.

— То есть нет, — сказал Андрей.

Мужчина посмотрел на него уже без прежней приветливости.

— Вы механик?

— Сегодня да.

Ковалёв стоял чуть в стороне и слушал.

— Запустим? — спросил он.

— Обязательно.

Линию начали готовить. Пока заполняли систему водой, Андрей прошёл к одному из основных насосов. Миша на его месте первым делом полез бы к муфте. Андрей тоже снял защитный кожух. Резиновый элемент был новый. Слишком новый. Он позвал главного инженера Ковалёва.

— Смотри.

Тот наклонился.

— Меняли.

— Вопрос зачем.

Представитель продавца услышал.

— Расходник. Поменяли в рамках обслуживания.

— Когда?

— Неделю назад.

— Старый остался?

— Зачем?

— Посмотреть износ.

— Вы серьёзно?

— Абсолютно.

Старую муфту, конечно, уже выбросили. Линию включили. Сначала заработали конвейеры. Затем насосы. Шум заполнил цех. Андрей прошёл вдоль оборудования, иногда касаясь рукой рам и корпусов. У одного из редукторов вибрация показалась неприятной, но терпимой.

Через несколько минут линия вышла на рабочую скорость. Пустые бутылки пошли по направляющим. И тут Андрей услышал звук. Негромкий. Раз в несколько секунд — короткий металлический щелчок. Он остановился. Прислушался. Щелчок повторился.

— Стопаните линию.

Представитель продавца нахмурился.

— Зачем?

— Хочу посмотреть привод.

— На рабочем режиме всё нормально.

Снова щелчок.

— Выключайте.

Главный инженер Ковалёва уже тоже прислушался.

— Я слышу.

Представитель продавца махнул оператору.

— Давайте ещё пять минут прогоним. На холодную всегда так.

Андрей посмотрел на него.

— Металл на холодную не должен разговаривать.

— Да там цепь новая.

— Тем более.

Ковалёв вмешался спокойно:

— Выключайте.

Оператор потянулся к панели. И в этот момент звук изменился. Вместо короткого щелчка раздался резкий треск. Андрей успел только повернуть голову. Внутри защитного ограждения что-то ударило, цепь дёрнулась, несколько пластиковых направляющих разлетелись в стороны. Одна пустая бутылка вылетела через верх и ударилась о стену.

Линия остановилась аварийно. В цехе сразу стало необычно тихо. Представитель продавца побледнел.

— Что это было?

Главный инженер уже открывал ограждение.

— Не трогайте пока.

Андрей подошёл ближе. Соскочившая цепь лежала внутри. Один из роликов развалился, а вал привода стоял заметно криво.

— Вот это и щёлкало, — сказал Андрей.

Электрик присвистнул.

— Красиво.

Ковалёв посмотрел на продавца.

— Полностью обслуженная линия?

Тот раздражённо провёл рукой по волосам.

— Девять лет оборудованию. Такое бывает.

— Конечно бывает, — сказал Андрей. — Поэтому она и не стоит как оборудование, которое только что обслужили и

можно завтра ставить в три смены.

— Вы ещё даже не разобрались, что случилось.

— Разберёмся.

Разбирались почти час. Подшипник привода был изношен. Вал получил биение. Новый ролик и свежая смазка скрыли проблему ровно до нормальной нагрузки. Андрей стоял, держа снятую деталь в руке.

— Это не вчера началось.

Представитель продавца молчал.

— И если здесь так подготовили один узел, я теперь каждый новый расходник буду считать не плюсом, а вопросом.

Ковалёв посмотрел на него.

— Сколько времени нужно?

— Ещё часа три.

— Смотрите.

После этого осмотр пошёл совсем иначе. Никто больше не рассказывал о «полном обслуживании». К двум часам у Андрея был список на две страницы. Не катастрофа. Личию можно восстановить. Но совсем не за те деньги и не в те сроки, которые обещал продавец. Они сидели в маленькой заводской столовой. Еда оказалась неожиданно хорошей: борщ, котлета, пюре и настоящий компот, вкус которого Андрей не помнил лет двадцать.

Ковалёв положил рядом блокнот.

— Сколько?

— Если по-честному?

— Я за этим вас и привёз.

— Само железо я бы оценивал максимум в тридцать — тридцать два. И это если остальные специалисты не найдут ничего дороже нашего.

Главный инженер кивнул.

— По автоматике минимум три миллиона сразу. Возможно, больше.

Электрик добавил:

— Кабельное хозяйство тоже местами переделывать.

Андрей продолжил:

— Плюс я бы закладывал пять-семь миллионов на механику в первый год. Не значит, что всё потратите. Но если купите без резерва, потом будете удивляться ежемесячно.

Ковалёв отпил компот.

— То есть сорок восемь — нет.

— Категорически.

— Тридцать?

— Если вам сама площадка нужна и линия хорошо ложится в производство — можно разговаривать.

— А двадцать восемь?

— Уже интересно.

Ковалёв улыбнулся.

— Вот и мне.

Он встал из-за стола.

— Не уезжайте пока.

Переговоры продолжались почти час. Андрей в них не

участвовал. Вместе с инженером ещё раз прошёл несколько узлов, сфотографировал таблички, записал серийные номера. Когда Ковалёв вернулся, выражение лица у него было довольное.

— Тридцать три.

— Было сорок восемь.

— Было.

— Берёте?

— Пока нет.

— Почему?

— Потому что если человек за час скинул пятнадцать миллионов, у него есть ещё пространство для духовного развития.

Андрей рассмеялся.

— Сколько хотите?

— Двадцать девять.

— Дадут?

— Узнаем завтра.

Они вышли на улицу. Ковалёв достал телефон.

— Сколько я вам должен?

— Мы не договорились.

— Именно поэтому спрашиваю.

Андрей задумался. Пять часов работы, дорога, ответственность. Когда-то он назвал бы небольшую цифру, лишь бы не показаться жадным.

Сейчас сказал:

— Сто пятьдесят.

Ковалёв даже не моргнул.

— Пришлите реквизиты.

— Всё?

— Вы хотели больше?

— Я ожидал торг.

— Зачем мне торговаться со специалистом, который только что сэкономил мне минимум пятнадцать миллионов?

— Пока не сэкономил. Вы ещё ничего не купили.

— Тем более.

Через пять минут телефон показал входящий платёж. Сто пятьдесят тысяч. Не обещание. Не «завтра». Не сто тысяч из долга в три миллиона семьсот. Деньги за несколько часов собственной работы. Андрей поймал себя на неожиданно хорошем настроении. Ему давно не платили просто за то, что он умеет думать.

Не за перепродажу оборудования. Не за процент между закупкой и продажей. Не за монтаж, который потом ещё месяц нужно контролировать. За опыт. За способность посмотреть на чужое железо и сказать: вот здесь вам врут, здесь будет дорого, а здесь можно торговаться.

Ощущение оказалось почти забытым. На обратном пути позвонил Громов.

— Андрей, привет.

— Привет.

— Есть разговор.

— У нас с тобой один разговор уже два года.

— Я два миллиона сегодня могу закрыть.

Андрей выпрямился в кресле. Ковалёв бросил на него быстрый взгляд, но ничего не спросил.

— Сегодня?

— Да.

— И остальные?

— Шестьсот до конца месяца. Миллион — графиком на четыре месяца.

Андрей быстро посчитал. Сто тысяч уже пришли. Два миллиона сейчас. Шестьсот тысяч до конца месяца. Оставшийся миллион — четырьмя платежами. Вся сумма сходилась.

— Почему вдруг?

Громов раздражённо выдохнул.

— Какая тебе разница?

— Большая. Вчера у тебя денег не было.

— Продал машину.

— Какую?

— Андрей, ну не начинай.

— Не начинаю. Просто интересно.

— «Ленд Крузер».

Андрей улыбнулся.

— А говорил, что считать твои деньги нехорошо.

— Вот именно поэтому не надо.

— Хорошо. Два миллиона сегодня. Шестьсот до конца ме-

сяца. Остаток миллион — четыре равных платежа. Суд не отзываю, пока два шестьсот не будут у меня.

— Ты издеваешься?

— Нет.

— Я же плачу.

— Вот когда заплатишь большую часть, будет что обсуждать.

— Валера говорил, с тобой невозможно.

— Валера преувеличивает. Деньги переводить очень просто.

Громов помолчал.

— Ладно. Сегодня два.

— Жду.

Ковалёв спросил после звонка:

— Старый долг?

— Очень.

— Вернут?

— Похоже.

— Хороший день.

— Не сглазьте.

Ковалёв улыбнулся.

— В вашем возрасте уже можно не бояться сглаза.

— В моём возрасте начинаешь бояться всего, что раньше считал ерундой.

Через сорок минут пришло уведомление. 2 000 000 рублей. Андрей открыл банк и посмотрел ещё раз. Баланс давно

не выглядел настолько приятно. Первая мысль была совершенно детской: Машину поменять. Вторая — взрослая: Не дури. Он открыл список платежей. Поставщик, которого Лена вчера дождала по старой цене. Налоги. Аренда. Расходники. Резерв на зарплату. Ремонт «Газели», если Мишин прогноз по ТНВД подтвердится.

Два миллиона исчезали на бумаге пугающе быстро. Но впервые за долгое время исчезали не потому, что денег не хватало, а потому что Андрей мог сам решить, куда их направить. Разница оказалась огромной. Он написал Лене: «Громов 2 млн перевёл. Завтра утром ничего крупного без меня не оплачивай. Сначала разложим».

Ответ пришёл почти сразу:

«Это тот самый Громов?»

«Тот самый». Через несколько секунд: «Тогда я сегодня всё-таки начинаю верить в чудеса». Андрей усмехнулся и убрал телефон. Налоги. Поставщики. Резерв. Долги самой компании. Но где-то между этими мыслями он всё равно решил: скол завтра сделает точно. Ирина вечером слушала рассказ о заводе гораздо внимательнее, чем Андрей ожидал.

— И прямо разлетелось?

— Внутри ограждения.

— А если бы ограждения не было?

— Для этого его и ставят.

— Очень успокоил.

— Никто не пострадал.

— И тебе сто пятьдесят тысяч заплатили?

— Да.

— За один день?

— За полдня.

Она уважительно посмотрела.

— Я теперь понимаю, почему ты со мной бесплатно разговариваешь так мало.

Андрей поставил на стол бутылку вина.

— А ещё Громов два миллиона вернул.

Ирина замерла.

— Сегодня?

— Угу.

— Ты серьёзно?

— Абсолютно.

Она подошла, обняла его за шею и поцеловала.

— Вот это мне нравится гораздо больше, чем ваши Селивановы.

— Мне тоже.

— Может, отметим?

— Я для этого вино и принёс.

— А я думала, соблазнять пришёл.

— Одно другому не мешает.

За ужином они почти час вообще не говорили об аварии. Обсуждали деньги. Куда их не тратить. Когда менять машину. Почему Андрей уже пятый год считает, что его «Гранд Чероки» ещё нормальный.

— Потому что он нормальный.

— У него лобовое треснуто.

— Скол.

— Который ты не делаешь.

— Завтра сделаю.

— Запишу дату.

Потом Ирина спросила:

— А если бы Громов вернул все три семьсот сразу, ты бы машину поменял?

Андрей задумался.

— Нет.

— Врёшь.

— Хорошо. Сначала посмотрел бы объявления.

— Вот. Уже честнее.

— Потом посчитал бы и не поменял.

— Почему?

— Потому что два хороших месяца ещё не означают, что всё снова стало как раньше.

Ирина некоторое время молчала.

— Ты скучаешь по тому времени?

Он понял, что она имеет в виду. По большой фирме. По оборотам. По людям, которых было гораздо больше. По времени, когда вопрос на несколько миллионов был рабочим, а не почти личным.

— Иногда.

— А вернуться хочешь?

Андрей покрутил бокал.

— Не знаю. Может, не туда же.

— А куда?

— Вот это хороший вопрос.

Ирина улыбнулась.

— Только Голосу его сегодня не задавай.

Андрей тоже улыбнулся.

— Не собирался.

Он вдруг понял, что утром Ирина была права. Пять дней он жил так, будто за пределами истории Беляева ничего больше не существует. А сегодня произошло сразу несколько вещей, не имевших к ДТП никакого отношения. Он заработал деньги. Вернул часть старого долга. Сделал нормальную работу.

Помог Ковалёву не переплатить за проблемную линию. И почему-то именно сейчас история с Корнеевым стала казаться меньше. Не менее опасной. Просто меньше по отношению ко всей жизни. Без пятнадцати двенадцать Андрей достал тетрадь. Ирина сразу заметила.

— Всё-таки опять к своим призракам?

— Один вопрос.

— Про Корнеева?

— Да.

— Какой?

Андрей написал:

«Связано ли ДТП Беляева с той старой сделкой в Ростове,

во время которой я познакомился с Антоном Корнеевым?»

Ирина прочитала.

— Нормально.

— Мне тоже кажется.

— Если ответит «нет»?

— Тогда тот, кто прислал старую фотографию, специально пытается связать вещи, которые между собой не связаны.

— А если «да»?

— Тогда всё становится намного хуже.

В 00:01 Андрей намеренно обратился к Голосу.

— Связано?

— **Нет.**

Он несколько секунд молчал. Ирина поняла по лицу.

— Нет?

— Нет.

Она откинулась на спинку стула.

— Ну слава богу.

Андрей перечитал свой вопрос. Точный. Старая ростовская сделка не была причиной нынешней истории с Беляевым. Значит, фотографию прислали не для того, чтобы напомнить ему о реальной связи. Её прислали, чтобы он сам эту связь придумал.

— Знаешь, что интересно? — сказал Андрей.

— Что?

— Кто-то очень старается, чтобы я смотрел именно на Корнеева.

Ирина нахмурилась.

— То есть он ни при чём?

— Я этого не спрашивал.

— Господи, ненавижу твой Голос.

— Я иногда тоже.

Он закрыл тетрадь.

— Но одно теперь понятно точно. Нас водят за нос.

Глава 7. Не включай

На следующий день Андрей всё-таки заехал в стекольный сервис. Мастер посмотрел на скол и сказал:

— Ещё немного поехали бы — пошла бы трещина.

— Я три недели собирался.

— Все три недели собираются. Потом приезжают стекло менять.

Пока ремонтировали, Андрей сидел на пластиковом стуле, пил кофе из автомата и впервые за долгое время просто листал новости в телефоне. Ни Беляева. Ни Корнеева. Ни сообщений с неизвестных номеров. Обычная жизнь оказалась удивительно приятной. Телефон зазвонил.

Миша.

— Ты где?

— Стекло делаю.

— Бросай.

— Уже?

— На «Южном пищекомбинате» встала насосная. Оба рабочих насоса не запускаются, резервный разобран.

Андрей посмотрел через стекло на мастера, который как раз поставил лампу на место ремонта.

— Что качают?

— Воду на технологию. Если через час не поднимут, две линии встанут полностью.

— Ты там?

— Еду.

— Я тоже.

Андрей подошёл к мастеру.

— Долго ещё?

— Минут двадцать нельзя трогать.

— Машина нужна сейчас.

— Тогда десять хотя бы.

Андрей посмотрел на часы.

— Десять.

На комбинате их уже ждали возле проходной. Начальник смены говорил быстро и раздражённо:

— Первый отключился по перегрузке. Переключили на второй — тот вообще не набирает давление. Резервный в ремонте третий месяц.

Миша бросил взгляд на Андрея.

— Хороший резервный.

— Я не отвечаю за ремонтную службу.

— А кто отвечает?

— Сейчас неважно.

— Как только запустим — сразу станет важно.

Насосная находилась в отдельном помещении. Жарко, влажно, гудит вентиляция. Два одинаковых центробежных насоса стояли на общей раме. Один был горячий. У второго возле муфты виднелись свежие следы работы. Миша присел.

— Кто сюда лазил?

Начальник смены позвал слесаря. Тот пришёл минут через пять, вытирая руки ветошью.

— Второй утром смотрели.

— Что делали?

— Муфту снимали. Проверяли.

— Зачем?

— Вибрация была.

Миша повернулся к Андрею.

— Очень мне нравится сегодняшнее утро.

Андрей потрогал корпус первого насоса.

— Этот когда остановился?

— Минут сорок назад.

— Защита по току?

— Да.

Электрика оказалась исправна. Двигатель отдельно вращался. Насос — тяжело.

— Разбирать, — сказал Миша.

Начальник смены посмотрел на часы.

— Сколько?

— Пока не откроем — не знаю.

— У нас через сорок минут розлив встанет.

— Тогда надо было резервный три месяца назад собирать.

— Миша, — сказал Андрей.

— Что? Я неправильно говорю?

— Правильно. Только насос от этого быстрее не заработает.

Первый начали разбирать. Причина нашлась сравнительно быстро. В рабочее колесо попал обломок металлической пластины. Откуда — отдельный вопрос. Кромку колеса уже повредило, вал вращался тяжело.

— Это сегодня не быстро, — сказал Миша.

Начальник смены побледнел.

— Второй можно запустить?

— Сейчас посмотрим.

На втором насосе всё выглядело лучше. Вал рукой вращался. Муфта новая. Двигатель исправен.

— Почему давление не даёт? — спросил Андрей.

— Может, воздух, — сказал слесарь.

— Заполняли?

— Да.

— Обратный клапан?

— Держит.

Миша снял крышку небольшого смотрового люка, посветил внутрь.

— Ничего.

Начальник смены снова посмотрел на часы.

— Давайте включим ещё раз. Может, после заполнения пойдёт.

Миша поднялся.

— Можно.

Оператор уже направился к щиту. Андрей стоял рядом с насосом и смотрел на муфту. Ничего особенного. Свежая ре-

зина. Болты затянуты. Защитный кожух пока снят.

— Кожух поставьте, — сказал он.

— Сейчас только проверим, — ответил слесарь.

— Сначала кожух.

Начальник смены раздражённо махнул рукой.

— Да пять секунд крутанём.

И в этот момент Голос произнёс:

— **Не включай.**

Андрей замер. Это произошло настолько неожиданно, что первые секунды он даже не понял смысла. Голос не отвечал на вопрос. Сам. Так же, как на перекрёстке.

— Стоп! — крикнул Андрей.

Оператор уже держал палец возле кнопки. Все повернулись.

— Не включай.

Начальник смены нахмурился.

— Почему?

Хороший вопрос. Андрей сам не знал.

— Кожух не стоит.

— Так поставим.

— Нет. Сначала ещё раз проверим.

Миша посмотрел на него внимательнее. Он знал Андрея достаточно хорошо, чтобы понять: дело не в кожухе.

— Что увидел?

— Пока ничего.

Миша молча снова присел возле муфты. Андрей опустил-

ся рядом.

— Снимай.

— Она новая.

— Именно поэтому снимай.

Слесарь недовольно забрал ключи.

— Мы её сегодня утром поставили.

— Почему?

— Старая порвалась.

Андрей и Миша одновременно посмотрели на него.

— А сразу сказать? — спросил Миша.

— Вы не спрашивали.

— Мы спросили, что делали.

— Муфту меняли.

— Почему она порвалась?

— Износ.

— Ты уверен?

Слесарь пожал плечами. Муфту сняли. И только тогда Миша увидел:

— Андрей. Сюда.

На ступице полумуфты возле шпоночного паза шла тонкая трещина. Едва заметная. Если не знать, куда смотреть, можно принять за царапину. Миша провёл ногтем.

— Вот зараза.

Сняли полумуфту. Трещина проходила почти до половины толщины металла. Начальник смены присел рядом.

— И что?

Миша поднял деталь.

— А то, что на трёх тысячах оборотов она могла разлететься.

— Кожух бы удержал.

— Может быть. А может, нет.

Андрей смотрел на трещину. Если бы Голос ничего не сказал, они поставили бы кожух и включили насос. Что случилось бы дальше — неизвестно. Возможно, ничего. Возможно, через десять минут муфта развалилась бы. Возможно, через месяц. Но Голос сказал: не включай. Значит, в момент запуска было что-то, чего Андрей сам не увидел. И теперь в руках Миши лежала треснувшая полумуфта.

Совпадением это уже не выглядело. Миша повернулся к нему.

— Как ты понял?

— Потом.

— Опять твоё «потом»?

— Именно.

Начальник смены раздражённо сказал:

— Мне всё равно, кто что понял. Как насос запустить?

Андрей посмотрел на слесаря.

— Старая полумуфта где?

— В мастерской.

— Она целая?

— Та сторона вроде целая.

— Тащи.

Из двух комплектов собрали один рабочий. Потратили ещё почти час. Перед запуском Андрей заставил поставить ограждение и убрать людей из зоны вращения. Начальник смены уже не спорил. Насос запустился. Давление начало расти. Пять атмосфер. Шесть. Семь. Стрелка стабилизировалась.

Через несколько минут по радиии сообщили, что вода на линии есть. Начальник смены прислонился спиной к стене.

— Всё?

Миша посмотрел на него.

— Нет. Теперь начинается самое неприятное.

— Что ещё?

— Первый насос ремонтировать. Второй нормально центровать. Новую полумуфту заказывать. И выяснять, почему две одинаковые муфты умерли подряд.

— Сегодня?

— Нет. Сегодня вы работаете на честном слове.

Андрей добавил:

— И резервный собираете.

— Я передам руководству.

— Не передавайте. Позвоните сейчас.

Начальник смены хотел возразить, но передумал. Через двадцать минут приехал технический директор. Разговор уже шёл иначе. Без «давайте крутанём пять секунд». Комбинат не мог позволить себе снова остановиться, поэтому заказали сразу ремонт обоих насосов и восстановление резерв-

ного.

Миша, глядя в телефон, быстро прикинул:

— Работа, детали, центрировка... тысяч двести восемьдесят выйдет.

Технический директор поморщился.

— Дорого.

— Линии сколько в час теряют при остановке? — спросил Андрей.

Мужчина посмотрел на него.

— Неважно.

— Тогда дорого.

Тот усмехнулся.

— Ладно. Делайте.

Миша сразу ушёл к машине звонить поставщикам. Андрей остался с техническим директором и ещё раз проговорил объём работ. Уже без аврала, спокойно: что меняют сейчас, что можно отложить, какие детали заказывать и почему резервный насос больше не должен существовать только в отчётах.

Когда вышел на улицу, Миша как раз заканчивал разговор.

— Полумуфту завтра привезут. Подшипники есть. По рабочему колесу ремонтники вечером скажут.

— Срок?

— Если без сюрпризов — два дня.

— А если с сюрпризами?

— Тогда три и будем делать вид, что так и планировали.

Андрей усмехнулся. Ещё несколько месяцев назад он бы половину звонков сделал сам, лично согласовал каждую деталь и потом ещё проверил, правильно ли Миша договорился.

Сейчас просто спросил:

— Справишься?

Миша посмотрел на него.

— А есть варианты?

— Есть. Я могу стоять над душой.

— Тогда точно не справлюсь.

— Хорошо. Веди сам. По крупным расходам позвони.

Миша на секунду задержал взгляд, словно хотел уточнить, серьёзно ли Андрей говорит. Потом кивнул.

— Договорились.

На выходе он толкнул Андрея плечом.

— А теперь ты сегодня мне всё-таки объяснишь?

— Что?

— Почему за секунду до запуска заорал «стоп».

— Не понравилась муфта.

— Не ври.

— Почему?

— Ты на неё смотрел минуту до этого. Она тебе нравилась. Потом вдруг лицо поменялось.

Они дошли до машины. Миша встал перед дверью.

— Это связано с той аварией?

Андрей посмотрел на него. До сих пор о Голосе знала только Ирина. Даже Лене он ничего не говорил. Но Миша работал рядом много лет. Они вместе таскали насосы, ругались с заказчиками, ночевали на объектах, когда сдача горела. И сегодня именно он стоял в нескольких метрах от муфты, которую Андрей остановил не благодаря опыту и не благодаря расчёту.

Если подобное повторится, Миша должен хотя бы понимать, почему Андрей иногда отдаёт команду без объяснений.

— Связано, — ответил Андрей.

— Как?

— Не здесь.

Миша прищурился.

— Ты меня пугаешь.

— Сам немного пугаюсь.

— Тогда хотя бы кофе купи.

— Это могу.

В кафе возле трассы Андрей рассказал. Не всё. Про один намеренный вопрос в сутки — да. Про предупреждение перед аварией — да. Про сегодняшнее «не включай» — тоже. Про Корнеева и то, какие именно ответы уже получил, подробно говорить не стал. Миша слушал молча.

Обычно его хватало секунд на тридцать, после чего обязательно появлялась шутка. Сейчас не появилась.

— То есть ты слышишь голос? — наконец спросил он.

— Да.

— В голове?

— Судя по всему.

— И Ирина знает?

— Знает.

— У врача был?

— Ещё нет. Записался.

— Когда?

— На следующую неделю.

Миша несколько секунд смотрел на него.

— Точно?

— Точно.

— Хорошо.

— Ты быстро освоился в роли моей матери.

— Кто-то же должен. Ирина одна не справляется.

Андрей усмехнулся.

— И он знает будущее?

— Не знаю.

— Но про муфту знал.

— Похоже.

— И про самосвал.

— Да.

Миша отпил кофе.

— А номер лотереи спросить?

Андрей рассмеялся.

— Я ждал.

— Ну а что? Нормальный практический вопрос.

— Один ответ в сутки.

— Тем более. Один раз спросил шесть цифр и больше не работаешь.

— Думаешь, я не думал?

— Думаю, ты скучный и поэтому не думал.

Напряжение немного отпустило. Миша покрутил стакан.

— Только знаешь что...

— Что?

— Если он опять скажет «не включай», ты сначала кричи, потом объясняй. Я не обижусь.

— Договорились.

Пока ехали обратно, позвонил Сафронов.

— Есть минут пять?

— Есть.

— Селиванова нашли.

Андрей сразу вспомнил лицо с фотографии — мужчину, которого он с оговоркой опознал как того, кто подошёл к разбитой «Камри» и забрал чёрный чехол.

Теперь фамилия уже не требовала усилий.

— Где?

— Вернулся в Краснодар.

— Сам?

— Через адвоката вышел.

— И?

— Утверждает, что к ДТП отношения не имеет.

— А к «Камри»?

— Вот тут интереснее. Признаёт, что подходил к машине. Андрей замолчал. Наконец что-то не предположение.

— Зачем?

— Говорит, его попросили забрать вещь.

— Кто?

— Человек, имени которого он якобы не знает.

— Очень удобно.

— Да.

— Телефон и флешку?

— Он утверждает, что не знал, что внутри.

— Куда отдал?

— Оставил в ячейке хранения.

— Где?

— Пока не скажу.

— Уже нашли?

Сафронов помолчал.

— Ячейка была пустая.

— Конечно.

— Селиванов говорит, получил пятьдесят тысяч наличными.

— За то, чтобы после серьёзного ДТП залезть в чужую машину, забрать вещь и уехать?

— Именно.

— И это всё?

— Пока.

— С Корнеевым знаком?

Небольшая пауза.

— По его словам — нет.

— С Беляевым?

— Тоже.

— Верите?

— Я не работаю верой.

— Опять красиво.

— Учусь у вас.

Андрей усмехнулся.

— Его отпустили?

— Пока не буду обсуждать.

— Тогда зачем вообще позвонили?

— Потому что вам больше не надо пытаться выяснить, кто человек на записи. Мы его установили.

— И потому что он теперь знает моё имя?

Сафронов замолчал.

— Не думаю, что это для него новость.

— Очень успокоили.

— Андрей Викторович, сейчас как раз ситуация стала проще. Есть конкретный человек, конкретные действия, есть что проверять.

Андрей посмотрел на дорогу. И неожиданно понял, что Сафронов прав. Пять дней они гонялись за тенью. Теперь мужчина у «Камри» перестал быть тенью. Селиванов существовал. Он признал, что забрал чехол. Кто-то заранее заплатил ему именно за это. Значит, исчезновение второго те-

лефона после ДТП было не случайностью и не догадкой Андрея.

Но кто заказал Селиванову эту работу и имел ли этот человек отношение к самому ДТП — всё ещё оставалось неизвестным.

— Хорошо, — сказал Андрей. — Хоть что-то.

— Именно.

В офис они вернулись после пяти. Лена посмотрела на грязные джинсы Андрея.

— Удачный день?

— Очень.

— У вас под правым коленом масло.

Андрей опустил взгляд.

— Это не масло.

— А что?

— Не знаю.

— Тогда ещё лучше.

Она положила перед ним бумаги.

— «Регион-Сервис» прислал проект мирового.

— Уже?

— Видимо, два миллиона оказали терапевтический эффект.

Андрей пробежал текст глазами.

— Нет.

— Что?

— Они хотят, чтобы мы отказались от иска сразу.

— А остаток?

— По графику.

— И?

— И потом опять искать их два года?

Лена улыбнулась.

— Значит, писать отказ?

Андрей ещё раз посмотрел на цифры. После первого перевода в сто тысяч и сегодняшних двух миллионов оставалось миллион шестьсот. Громов обещал шестьсот тысяч до конца месяца и ещё миллион четырьмя платежами. Сам по себе график Андрея устраивал. Не устраивало только одно: снова отдать должнику все рычаги раньше денег.

— Напиши: вопрос об отказе от иска обсуждаем после поступления шестисот тысяч и оформления нормального обеспечения на оставшийся миллион.

— Какого?

— Пусть поручительство дадут. Или залог машины. Только не той, которую он уже продал.

— Добрый вы сегодня.

— Я всегда добрый. Просто дорогой.

Лена сделала пометку.

— Кстати, по комбинату счёт сегодня выставяем?

Андрей на секунду задумался и поймал себя на привычном желании самому расписать работы.

— Миша скажет объём. С ним согласуй.

Лена подняла глаза.

— А вы?

— А я подпишу итог.

— Что-то меняется.

— Не привыкай.

— Поздно.

Телефон показал входящее сообщение от Ковалёва. «Двадцать девять. Согласились. Берём». Следом: «С вас потом контроль ремонта. Отдельно оплатим». Андрей улыбнулся. Лена заметила.

— Что?

— Ничего. Ещё работа.

— Вы так радуетесь работе?

— Когда за неё платят — да.

— Очень меркантильно.

— Я коммерческая организация.

К Ирине он приехал после восьми. Она открыла дверь и сразу посмотрела на штаны.

— Ты где ползал?

— На пищекомбинате.

— Звучит так, будто тебя уронили в котлету.

— Почти.

— Раздевайся в ванной.

— Очень романтично.

— Не пачкай мне диван — будет романтичнее.

Через полчаса Андрей сидел уже в чистых домашних брюках и рассказывал про муфту. Ирина перестала есть.

— Голос сам сказал?

— Да.

— Без вопроса?

— Да.

— Второй раз?

— Если считать аварию — да.

Она медленно положила вилку.

— Значит, он вмешивается, когда кому-то реально грозит опасность.

— Не факт, что критерий именно такой. Я возле муфты после запуска не стоял бы.

— Тогда кому?

— Не знаю. Может, Мише. Может, слесарю. Может, вообще никому, а просто оборудование разнесло бы.

— Но сказал он именно тебе.

— Да.

Ирина задумалась.

— Мне это нравится больше, чем один вопрос.

— Почему?

— Потому что вопрос можно задать неправильно. А тут он сам решил, что тебе надо знать.

— Вот только почему решил — неизвестно.

— Узнаем.

Андрей улыбнулся.

— Ты уже говоришь «мы».

— А кто ещё будет следить, чтобы ты не спросил у него

очередную ерунду?

Он рассказал про Селиванова. На этот раз Ирина сразу вспомнила:

— Тот самый мужчина у «Камри»?

— Да.

— Признался?

— Что забрал чехол — да. Всё остальное пока якобы не знает.

— Пятьдесят тысяч?

— Именно.

— Маловато за такое.

— Мне тоже кажется.

— Может, ему отдельно заплатили за молчание?

— Может быть.

— А Корнеев?

— Селиванов говорит, что не знаком.

Ирина недоверчиво покачала головой.

— Конечно.

— И ещё один момент. Голос вчера сказал, что старая ротовская сделка с нынешним ДТП не связана.

— Значит, фотографией тебя специально запутывали.

— Похоже.

— Тогда зачем?

— Вот это уже нормальный вопрос.

— Сегодня спросишь?

Андрей покачал головой.

— Не уверен.

— Почему?

— Потому что впервые за несколько дней у полиции появился реальный человек. Может, не надо тратить Голос на то, что они сами смогут выяснить.

Ирина посмотрела на него с одобрением.

— Вот это уже мне нравится.

— Что именно?

— Ты наконец перестал использовать чудо как поисковик. Андрей рассмеялся.

— Сильная формулировка.

До полуночи оставалось ещё больше часа. Они смотрели кино. Обычный старый боевик, который Андрей видел когда-то давно и почти полностью забыл. Минут через двадцать Ирина положила ноги ему на колени.

Через сорок начала засыпать. Андрей поймал себя на странном ощущении. Он не ждёт сообщения. Не смотрит каждые две минуты на телефон. Впервые за неделю. Может быть, потому что день был слишком заполнен другими вещами. Насос. Комбинат. Деньги. Ковалёв купил линию.

Селиванов наконец перестал быть неизвестным человеком. История двигалась и без того, чтобы Андрей постоянно толкал её вопросами. В 23:58 Ирина проснулась.

— Не проспал?

— Нет.

— Решил, что спросить?

— Да.

— Что?

Андрей достал тетрадь. Написал всего одну строку:

«Человек, заказавший Селиванову забрать чехол из машины Беляева, и человек, организовавший ДТП с Беляевым, — один и тот же человек?»»

Ирина перечитала.

— Вот это полезно.

— Мне тоже кажется.

— Потому что мы почему-то всё время считаем, что это одна группа.

— Именно.

— А может быть не одна.

— Сейчас узнаем.

В 00:01 Андрей задал вопрос. Голос ответил:

— **Нет.**

Андрей не сразу осознал ответ. Ирина приподнялась.

— Что?

— Нет.

— В смысле?

Он ещё раз посмотрел на собственную формулировку. Ошибки не было.

— Селиванова нанял не тот человек, который организовал ДТП.

Ирина села окончательно.

— Тогда что получается?

Андрей медленно закрыл тетрадь. Последние пять дней они исходили из простой схемы. Кто-то организовал ДТП с Беляевым. Тот же человек отправил Селиванова забрать чехол.

Потом тот же круг начал давить на Андрея из-за записи и возможного опознания. Красиво. Логично. И, как выяснилось, неправильно.

— Выходит, возле разбитой «Камри» сошлись интересы как минимум двух людей, — сказал Андрей.

Ирина нахмурилась.

— Один хотел, чтобы Беляев попал в ДТП.

— Да.

— А второй знал про чехол и отправил за ним Селиванова.

— Да.

— Они могли вообще не работать вместе.

— Именно.

Она несколько секунд молчала.

— Вот теперь это действительно детектив.

Андрей усмехнулся.

— Спасибо. Очень вовремя.

Телефон завибрировал на столе. Оба посмотрели на него, но на этот раз номер был знакомый. Ковалёв. Андрей ответил.

— Виктор Михайлович, полпервого ночи.

— Знаю. Поэтому и звоню.

Голос у Ковалёва был совсем не таким, как обычно.

— Что случилось?

— На заводе, который мы сегодня смотрели, пожар. Андрей выпрямился.

— Где?

— В производственном корпусе.

— Люди?

— Пока говорят, все вышли.

На заднем плане у Ковалёва слышались сирены.

— Вы там?

— Подъезжаю.

Андрей уже вставал. Ирина смотрела на него.

— И ещё, Андрей Викторович. Горит цех с линией.

Андрей остановился. Утром эта линия стоила сорок восемь миллионов. Днём — двадцать девять. Несколько часов назад Ковалёв договорился её купить. А теперь она горела.

— Документы подписали? — спросил Андрей.

— Нет. Только согласовали цену.

— Тогда вам повезло.

На том конце возникла пауза.

— Возможно.

— Почему «возможно»?

Ковалёв ответил тихо:

— Потому что час назад продавцу перечислили обеспечительный платёж.

Глава 8. Не там горит

Ковалёв отключился, а Андрей ещё несколько секунд держал телефон у уха.

— Что? — спросила Ирина.

— Завод горит.

Она сначала не поняла.

— Какой завод?

— Тот, где мы сегодня линию смотрели.

— Которую он купил?

— Ещё не купил. Но обеспечительный платёж уже перечислил.

Андрей встал и пошёл в спальню. Ирина посмотрела на часы.

— Ты куда?

— Туда.

— Зачем?

Он натянул джинсы.

— Не знаю.

— Прекрасная причина ехать ночью на пожар.

— Ковалёв там.

— А ты пожарный?

— Нет.

— Следовательно?

— Тоже нет.

— Тогда что ты там будешь делать?

Андрей остановился. Вопрос был разумным. Ещё неделю назад он, скорее всего, именно так и ответил бы любому знакомому: не твоё дело, не мешай специалистам. Но сегодня он пять часов лазил по этой линии. Знал, где стояли основные узлы, видел состояние оборудования до пожара, фотографировал серийные номера. Если завтра начнут выяснять, что сгорело, а что было повреждено раньше, его сегодняшней осмотр может оказаться полезным.

— Я видел всё оборудование за несколько часов до пожара.

— Вот теперь хотя бы причина появилась.

Ирина тоже поднялась.

— Я с тобой.

— Нет.

— Почему?

— Потому что там пожар.

— А ты, значит, огнестойкий?

— Ира.

Она несколько секунд смотрела на него, потом махнула рукой.

— Ладно. Но звони.

— Позвоню.

— И не геройствуй.

— У вас с Сафроновым одна методичка.

— Видимо, человек хороший.

На улице было тепло и почти безветренно. Андрей выехал со двора и только на первом светофоре понял, насколько устал. День начался ещё вчера утром, а теперь было далеко за полночь. Телефон лежал в подстаканнике. На экране светилось последнее сообщение Ковалёва.

Пожар. И как назло именно сегодня вечером Андрей решил, что жизнь наконец перестала вращаться вокруг чужих неприятностей. Получилось ненадолго. За несколько километров до завода небо впереди стало красноватым.

Потом появились проблесковые маячки. У ворот стояли пожарные машины, полиция, несколько легковых автомобилей. Территорию перекрыли. В воздухе висел тяжёлый запах горелого пластика и мокрой сажки. Андрея сначала не хотели пропускать. Пришлось звонить Ковалёву. Тот вышел сам.

Белая рубашка, в которой он был днём, исчезла. Теперь на нём были джинсы, тёмная футболка и лёгкая куртка. В полутьме он выглядел старше.

— Зря приехали, — сказал Ковалёв.

— Уже приехал.

— Тогда идёмте.

Горел не весь корпус. Основное пламя уже сбили, но из разбитых верхних окон валил дым. Пожарные продолжали проливать помещение. Андрей остановился.

— Именно линия?

— Похоже.

— Откуда началось?

— Пока никто толком не знает.

Ковалёв кивнул в сторону административного здания.

— Собственник там. Очень хочет объяснить мне, почему обеспечительный платёж не возвращается.

— Серьёзно?

— Абсолютно.

— Быстро человек пришёл в себя.

— Я ему примерно то же сказал.

Они отошли подальше от ворот.

— Сколько отправили?

— Три миллиона.

— В качестве обеспечительного?

— По отдельному соглашению. Юристы утром будут развлекаться.

— Основной договор не подписан?

— Нет.

— Тогда за что три миллиона?

Ковалёв усмехнулся.

— Чтобы продавец перестал искать другого покупателя до оформления сделки.

— Нашёл время перестать.

— Не говорите.

Андрей смотрел на дымящийся корпус. Ещё днём они спорили о цене, считали изношенные узлы, закладывали миллионы на будущий ремонт. Сейчас всё это могло оказаться бессмысленным.

— Камеры есть?

— Есть.

— Работали?

— Вот это уже интереснее.

— Что?

— Примерно за двадцать минут до пожара пропала часть внутреннего видеонаблюдения.

Андрей повернулся.

— Электричество?

— Нет. Только несколько камер в производственном корпусе.

— Случайность?

— Очень своевременная.

— Кто был внутри?

— Ночная охрана и два человека технической службы. Производства ночью нет.

— Они целы?

— Да.

Ковалёв помолчал.

— Один говорит, что почувствовал запах дыма возле электрощитовой. Второй в это время был в соседнем корпусе.

— А охрана?

— На проходной.

— Кто-нибудь выезжал?

— Сейчас смотрят журнал.

Андрей хотел задать следующий вопрос и вдруг услышал:
— **Не там ищешь.**

Он замер. Ковалёв сделал ещё несколько шагов, потом заметил, что Андрей остался на месте.

— Что?

Андрей не ответил. Голос прозвучал сам. Не в ответ на вопрос. Так же спокойно, как «Не включай» возле насоса.

— Андрей Викторович?

Он медленно посмотрел на дымящийся корпус. Не там ищешь.

— Что-то вспомнили?

— Нет.

Андрей сосредоточился.

— Где тогда?

Ответа не было. Конечно. Если Голос хотел сказать больше, сказал бы сам. Ковалёв наблюдал за ним с лёгким недоумением.

— Вы точно нормально себя чувствуете?

— Да.

— Вид у вас не очень.

— Не выпался.

Андрей снова посмотрел на корпус. Все смотрели туда. Пожарные. Полицейские. Собственник. Ковалёв. Огонь сам притягивал внимание. Если искать надо не там, то где? Андрей повернулся к стоянке.

Днём возле боковых ворот стояли две машины и погруз-

чик. Через эти ворота можно было вывозить оборудование.

— Виктор Михайлович, журнал выезда уже смотрели?

— Какого?

— Машин.

— Не знаю.

— Пойдёмте.

— Куда?

— На проходную.

Ковалёв нахмурился.

— Почему?

— Хочу проверить одну вещь.

Охранник сидел в небольшой комнате возле ворот и выглядел совершенно несчастным. На столе стояла кружка нетронутого чая, рядом лежал раскрытый журнал. Ковалёв представился.

— Нам нужен выезд за последние два часа.

Охранник посмотрел на сотрудника полиции, находившегося рядом. Тот пожал плечами.

— Показывайте.

В журнале было всего три записи. Машина сотрудника. Грузовая «Газель» технической службы. Белый фургон. Андрей ткнул пальцем.

— Этот кто?

Охранник посмотрел.

— Сервисники.

— Какие сервисники ночью?

— Они ещё вечером приехали.

— Зачем?

Мужчина почесал затылок.

— Что-то с автоматикой.

— Кто их вызывал?

— Не знаю.

— Сколько человек?

— Двое.

— Во сколько уехали?

— В двадцать три сорок семь.

Ковалёв посмотрел на часы. Пожар обнаружили примерно двадцать минут спустя.

— Что за фургон?

Охранник назвал марку.

— Номер есть?

— Записан.

Андрей посмотрел на Ковалёва. Тот уже понял.

— Камера на воротах работала?

— Наружная должна.

Запись нашли быстро. Белый фургон действительно выехал в 23:47. Качество было неплохим. Номер читался. Но Андрея заинтересовало другое. Задняя часть машины заметно просела.

— А приехал таким же?

Запись перемотали назад. Фургон появился возле ворот в 19:26. Андрей наклонился ближе к монитору.

— Нет.

Ковалёв тоже заметил. На въезде задняя подвеска стояла существенно выше.

— Что они вывезли? — тихо спросил он.

Охранник растерялся.

— Я не проверял.

— Почему?

— Они по пропуску были.

— Какому пропуску?

— Разовому.

— Кто подписал?

Охранник снова полез в бумаги. Андрей чувствовал, как участился пульс. Голос сказал: не там ищешь. Все смотрели на то, что горело. А искать надо было то, что успели вынести до пожара. В производственный корпус их пустили только ближе к четырём утра. Огонь ликвидировали. Опасные участки продолжали проливать, запах стоял такой, что першило в горле.

Часть линии действительно серьёзно пострадала. Сильнее всего — участок возле шкафов автоматики и нескольких приводов. Андрей шёл медленно, сверяясь с фотографиями, сделанными днём.

— Здесь был частотник, — сказал он.

Главный инженер Ковалёва, приехавший чуть раньше, осветил фонарём.

— Был.

На стене осталась пустая монтажная панель. Крепёж снят. Не оторван огнём. Снят.

— Второй где? — спросил Андрей.

Прошли дальше. Ещё одна пустая рама. Ковалёв выругался.

— Сколько стоят?

Инженер назвал сумму.

— Новые — около миллиона каждый. Эти старые, но рабочие.

Андрей сверился с фотографиями.

— И вот этого модуля нет.

— Какого?

— Контроллер.

Инженер посветил.

— Точно.

Чем дальше смотрели, тем яснее становилась картина. Кто-то аккуратно снял наиболее дорогие компактные элементы, которые можно было сравнительно быстро демонтировать и загрузить в небольшой фургон. А затем в той же зоне начался пожар. Случайность становилась всё менее убедительной.

Ковалёв стоял среди мокрого пола и обгоревшей изоляции.

— То есть линию сначала обобрали, потом подожгли?

— Похоже, — сказал инженер.

Андрей ничего не ответил. Теперь он понимал другое. Ес-

ли бы Голос не сказал трёх слов, они ещё несколько часов обсуждали бы происхождение пожара. Пропажу всё равно обнаружили бы.

Утром. Может быть, днём. Когда начали бы полноценную инвентаризацию. Но фургон к тому времени ушёл бы намного дальше. Андрей достал телефон.

— Номер машины полиции передали?

Ковалёв кивнул.

— Уже.

— Тогда есть шанс.

— Небольшой.

— Почему?

— Если люди не идиоты, номер либо чужой, либо машину уже бросили.

Андрей посмотрел на него.

— Вы сегодня удивительно оптимистичны.

— Три миллиона ушли продавцу, линия сгорела, из неё вынесли оборудование. Я из последних сил.

Даже сейчас Ковалёв говорил спокойно. Андрею это нравилось. Он вспомнил, как тот торговался днём: без крика, без угроз, будто пятнадцать миллионов были просто ещё одной цифрой, которую нужно поставить на правильное место.

Теперь перед ним стояла проблема другого рода, а манера почти не изменилась. Домой Андрей приехал после шести. Ирина не спала. Сидела на кухне в халате, перед ней стояла кружка.

— Я просила звонить.

Андрей посмотрел на телефон.

— Один раз звонил.

— Три часа назад.

— Извини.

Она хотела ещё что-то сказать, но посмотрела на его лицо и передумала.

— Кофе?

— Лучше душ.

— Живой?

— Да.

— Тогда иди.

После душа Андрей рассказал всё. Про фургон. Пропавшие частотники. И Голос. Ирина сразу зацепилась за последнюю.

— Что именно сказал?

— «Не там ищешь».

— Всё?

— Всё.

— И ты понял?

— Не сразу.

— Но без него ты бы пошёл на проходную?

Андрей подумал.

— Скорее всего, нет. Во всяком случае, не в тот момент.

— Значит, вот.

— Что «вот»?

Она отставила кружку.

— Ты вчера жаловался, что он только отвечает на вопросы. Сегодня он сам заставил тебя посмотреть в другую сторону.

— Он уже делал это возле насоса.

— Там была непосредственная опасность. Здесь тебе ничего не угрожало.

Андрей замолчал. Это действительно отличалось. На перекрёстке ему грозил самосвал. На комбинате могла разлететься муфта. А сейчас Голос вмешался в обычную хозяйственную историю, где жизни Андрея ничто не угрожало. Причём не сказал, что делать. Не назвал фургон.

Не назвал украденное оборудование. Только толкнул мысль в другую сторону.

— То есть критерий меняется, — сказал Андрей.

— Или мы просто раньше неправильно его поняли.

— Какой критерий?

— Может, он говорит сам, когда считает информацию достаточно важной.

— Очень удобная теория. Проверить невозможно.

— Пока.

Андрей посмотрел на часы. 06:41. До следующего вопроса оставалось больше семнадцати часов. И впервые он ждал этого времени не потому, что хотел получить «да» или «нет». Ему хотелось проверить другое. Может ли Голос вообще сказать что-то конкретное, если спросить иначе.

До обеда Андрей проспал. Разбудил его Ковалёв.

— Есть новости.

— По фургону?

— Машина настоящая, номер тоже.

Андрей сел.

— Уже хорошо.

— Не очень. Фургон вчера вечером арендовали.

— Кто?

— Документы, скорее всего, поддельные.

— Камеры в прокате?

— Есть. Полиция работает.

— Машину нашли?

— Пока нет.

— А продавец что говорит?

Ковалёв засмеялся без веселья.

— Что понятия не имеет, кто вызвал сервисную бригаду.

— Пропуск кто подписал?

— Электронная заявка прошла от технического директора.

— Он признаёт?

— Говорит, ничего не отправлял.

— Учётную запись взломали?

— Или он врёт.

— Пожар умышленный?

— Эксперты пока осторожничают. Но очаг как раз там, где снимали оборудование.

Андрей потёр лицо.

— Обеспечительный платёж?

— Вернуть обещают.

— Обещают?

— Именно.

— Значит, не вернут.

— Вы быстро учитесь.

Ковалёв помолчал.

— Завтра сможете встретиться?

— По чему?

— По этой же линии.

— Она наполовину сгорела.

— Не наполовину. Основная механика цела. Автоматика пострадала сильнее.

— И вы всё ещё хотите её купить?

— За правильные деньги — да.

Андрей невольно улыбнулся.

— Сколько теперь?

— Вот это завтра и решим.

После разговора он ещё минуту сидел на кровати, пытаясь окончательно проснуться. Пять дней назад Ковалёв для него не существовал. Теперь тот звонил ему ночью с пожара, платил за экспертизу и собирался покупать оборудование, которое несколько часов назад выносили из горящего цеха.

Жизнь умела быстро добавлять людей. В офис Андрей приехал только после двух. Лена подняла голову.

— Доброе утро.

— Очень смешно.

— Сафронов звонил.

— Мне?

— Вам.

— Уже становится частью штата.

— Тогда пусть зарплату получает у нас.

Андрей вошёл в кабинет и перезвонил. Сафронов ответил быстро.

— Вы где?

— На работе.

— С пожаром всё нормально?

— Смотря что считать нормальным.

— Я не про имущество. Сам.

— Цел.

— Хорошо. Теперь к нашей истории. По Селиванову появились подтверждения.

Андрей сразу переключился.

— Какие?

— Камеры возле ячейки хранения. Он действительно оставил предмет.

— Чехол?

— По размеру похож.

— А кто забрал?

— Мужчина в кепке.

— Отлично.

— Лицо практически не видно.

— Ещё лучше.

Сафронов продолжил:

— Но приехал он на машине.

— И?

— Машину установили.

— Чья?

— Пока не буду.

Андрей раздражённо выдохнул.

— Вы сами звоните и половину не говорите.

— Потому что вторую половину ещё проверяем.

— Связь с Корнеевым?

— Пока прямой нет.

— А с Беляевым?

— Есть.

Вот это было неожиданно.

— Какая?

— Машина принадлежит одной из компаний, которая раньше обслуживала объекты Беляева.

— Раньше?

— Контракт закончился около года назад.

— Что за компания?

— Охранные системы.

Андрей задумался.

— То есть человек, который забрал чехол, приехал на машине фирмы, знакомой с объектами Беляева.

— Да.

— Тогда он мог знать, что лежит внутри.

— Вот это мы и выясняем.

— А Селиванов с этой фирмой связан?

— Пока прямой связи не нашли.

— А Воронцов?

— Проверяем.

— Вы когда-нибудь ответите мне чем-нибудь кроме «проверяем»?

— Когда проверим.

Андрей усмехнулся.

— Логично.

После разговора Андрей некоторое время сидел неподвижно. История Беляева снова двинулась. Но сегодня она уже не вытесняла всё остальное. На соседнем листе лежало предложение поставщика. Лена ждала решения по двум счетам. Миша прислал фотографию разобранного насоса и коротко написал: «Вал живой. Колесо восстановят. Завтра собираем».

Ковалёв завтра собирался торговаться за подгоревшую линию. Жизнь больше не состояла из одного ДТП. И от этого Андрей впервые почувствовал, что способен нормально думать. Он ответил Мише: «Веди сам. Если вылезет что-то крупное — звони». Почти сразу пришло: «Ты кто и что сделал с Андреем?»

Андрей усмехнулся и убрал телефон. Вечером он заехал

домой раньше Ирины. Достал тетрадь. На первых страницах накопилась уже целая история его ошибок. Поступят ли деньги? — Да. Сто тысяч. Причинят ли физический вред? — Нет. Но фотографировать и запугивать никто не запрещал.

Знаком ли я с организатором? — Да. Но не сказано, кто. Андрей перелистнул дальше. Все вопросы были построены так, будто Голос умеет только подтвердить или опровергнуть. А кто сказал, что это так? Никто. Он сам. Первый нормальный вопрос был: Кто ты? Но его Андрей задал после уже использованного ответа, поэтому Голос промолчал.

А потом почему-то добровольно запер себя в «да» и «нет».

— Красавец, — сказал он вслух.

Ирина вошла через несколько минут. Увидела тетрадь.

— Опять диссертацию пишешь?

— Кажется, нашёл одну вещь.

Он объяснил. Она прочитала несколько старых вопросов.

— А ведь правда.

— Вот.

— Почему ты раньше не попробовал?

— Потому что тупой.

— Не спорю.

Андрей посмотрел на неё.

— Поддержала.

— Всегда.

Ирина села рядом.

— Что спросишь?

— Пока выбираю.

— Про пожар?

— Да.

— Например?

Он написал:

«Где сейчас находится оборудование, которое ночью сняли с линии?»

Ирина прочитала.

— А если скажет «не знаю»?

— Значит, скажет.

— А если назовёт место?

Андрей отложил ручку.

— Вот тогда у нас начнутся интересные проблемы.

— Почему проблемы?

— Потому что я не смогу прийти в полицию и сказать:

«Мне адрес голос в голове сообщил».

Ирина улыбнулась.

— Можно сказать: анонимный источник.

— Они спросят кто.

— Не скажешь.

— И стану главным подозреваемым в краже частотников

Ковалёва.

— Не твоих.

— Тем более.

Они перебрали ещё несколько вариантов. Кто организо-

вал пожар? Слишком большой вопрос. К тому же Андрей не был уверен, что ему сейчас важнее имя или возможность вернуть оборудование. Где фургон? Машина могла уже ничего не значить. Её могли бросить, перегнать, сменить номера.

Где оборудование? Вот это было конкретно. Проверяемо. И полезно независимо от того, кто его украл. На этом и остановились. После полуночи Андрей специально подождал минуту.

Потом закрыл глаза — не потому, что это было необходимо, просто так было легче сосредоточиться.

— Где сейчас находится оборудование, которое сняли ночью с линии на заводе?

Ответ пришёл сразу. Не «да». Не «нет». Голос произнёс:

— Промышленная база на Уральской. Склад семнадцать.

Андрей открыл глаза. Ирина увидела выражение его лица и выпрямилась.

— Что?

Он несколько секунд молчал.

— Место назвал.

— Какое?

— Промышленная база на Уральской. Склад семнадцать.

Они смотрели друг на друга. Ирина первой нарушила тишину:

— Ну вот.

— Что «вот»?

— Поздравляю. У тебя теперь не только «да» и «нет».

Андрей схватил ручку и записал ответ дословно. Потом намеренно спросил:

— Кто там?

Тишина.

— Кто украл оборудование?

Ничего.

— Кто устроил пожар?

Молчание. Один вопрос. Правило сохранилось. Но значение правила только что изменилось полностью. Он больше не был ограничен двумя словами. Голос мог назвать место. Конкретное. Проверяемое. А значит, все предыдущие дни Андрей сам урезал возможности единственного инструмента, которого никто до него, возможно, вообще никогда не держал в руках.

Он задавал закрытые вопросы и получал закрытые ответы. Не потому, что Голос не умел иначе. Потому что иначе не умел спрашивать Андрей. Он посмотрел на часы. 00:04.

— Звонить Ковалёву? — спросила Ирина.

Андрей взял телефон.

— Пока нет.

— Почему?

— Потому что сначала хочу понять, существует ли вообще на Уральской склад номер семнадцать.

Поиск дал несколько промышленных баз. На одной из них

действительно находился большой складской комплекс. Нумерации помещений в открытом доступе Андрей не нашёл. Он отложил телефон.

— Завтра проверим.

Ирина покачала головой.

— Нет.

— Что «нет»?

— Не «проверим». Ты сообщишь полиции или Ковалёву, и пусть проверяют.

— Конечно.

— Я серьёзно.

— И я.

Она посмотрела подозрительно.

— Ты сейчас уже представляешь, как сам туда поедешь.

Андрей улыбнулся.

— Немного.

— Я тебя знаю.

— Поэтому и люблю.

— Второй раз за неделю. Ты становишься сентиментальным.

— Возраст.

Ирина закрыла тетрадь.

— Тогда возраст должен подсказать тебе ещё одну вещь: ночью на чужие склады не ездят.

— Согласен.

— Хорошо.

— Поедем утром.

— Андрей!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.